

ЭМИЛИЯН СТАНЕВ

ПО ЛЕСАМ,
ПО БОЛОТАМ

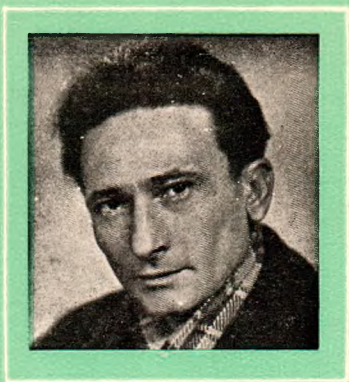
•

Б И Б Л И О Т Е К А

3

БОЛГАРИЯ

С О Ф И Я · 1 9 5 9

Перу Эмилияна Станева (род. в 1907 г.) принадлежит множество увлекательных детских повестей и рассказов. „Зайчик“, „Повесть об одной дубраве“, „Когда сходит ивей“, „Январское солнце“ и другие произведения писателя составляют богатый фонд болгарской детской и юношеской литературы. Постоянное общение с природой (автор — страстный охотник-любитель) делает его рассказы свежими, правдивыми и поучительными.

Эмилиян Станев является также автором ряда крупных по своему замыслу и размаху сочинений. Недавно вышел первый том его романа на современную тему „Иван Кондарев“.

В предлагаемой вниманию читателей

Б И Б Л И О Т Е К А

БОЛГАРИЯ

№ 3

ЭМИЛИЯН СТАНЕВ

ПО ЛЕСАМ, ПО БОЛОТАМ

Перевод с болгарского
Л. ЖАНОВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЛИТЕРАТУРЫ
НА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКАХ

София 1959

Иллюстрации
проф. ИЛИИ ПЕТРОВА

КОПУША И СКОРОХОД

Среди поля, в ложбинке, заросшей мелким кустарником и терном, скрывался еж — невелик собой, да и не так уж мал. Другом его была черепаха.

Ежа звали Скороходом, а черепаху — Копушей. Были они неразлучные друзья.

Днем спали в ложбинке, а вечером, лишь только солнце пряталось за гору, отправлялись на добычу.

Копуша любила кушать маленьких белых улиток и подгнившие плоды, а ее приятель Скороход был падок на полевых мышей, на ящериц и на виноград. Но больше всего любил он лягушатину.

Вечером Скороход просыпался первым и начинал торопить Копушу:

— Ну, поднимайся, пора и нам перекусить чем-нибудь!

— Вот уж мне нетерпеливый! — досадовала черепаха, большая охотница поспать да побездельничать.

Наконец, приятели выбрались из ложбинки. Тогда сороки, ночевавшие в ветвях диких груш, принимались смеяться над ними:

— Берегись, скороходы идут! — кричали они своими хриплыми голосами.

— Дорогу им! Дорогу им! — вторили со-рокам перепела с ближайших полей. А дрозды, черные, как бесы, хихикали из зарослей вдоль ложбинки.

Скороход и Копуша притворялись, что не слышат насмешек, и изо всех сил спешили вперед, чтобы поскорее отойти от своих задиристых соседей.

Они всю ночь бродили по соседним вино-

градникам, рыскали по межам полей и обшаривали огороды у самого села. На рассвете, промокшие от росы, но сытые и довольные, возвращались они к себе в ложбинку и засыпали сладким сном, пригретые утренним солнцем.

Так жили наши ленивцы спокойно и в довольстве и, быть может, прожили бы так еще долгие годы, но крестьяне распахали в один прекрасный день ложбинку и выкорчевали терновник. С тех пор начались злоключения Копуши и Скорохода, которые и описаны в этой книге.

К Р А С Н О Р О Т А Я

Они решили переселиться на высокую межу, заросшую густой желтоватой травой, не ведая про то, что это владения большой змеи с серо-пепельной чешуей, которую звали Красноротой, потому что рот ее изнутри был красным, как черепица.

Когда они пришли на межу, солнце только что взошло и на траве еще лежала роса. Копуша и Скороход, уставшие от ночных походов, улеглись и тотчас же уснули. Межа понравилась им своей высокой, мягкой травой, укрывавшей их от глаз других животных и птиц. Но они удивились, что не встретили здесь какого-нибудь зайца или вероломную ласку. О существовании же Красноротой, ко-

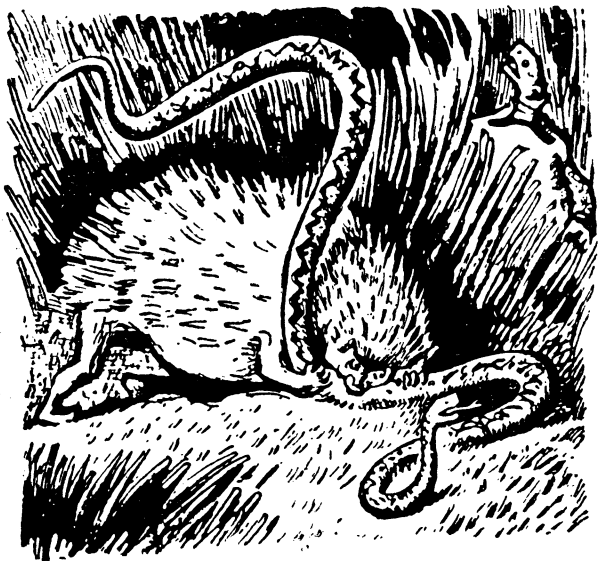
торая сейчас спала в своей норе по другую сторону межи, они и не подозревали.

Красноротая не любила ранние утренние часы, не любила и росу, а предпочитала вылезать, когда сойдет роса и начнет припекать солнце. Тогда она медленно, как важная персона, выползала, свертывалась клубком и грела свое холодное тело, в котором текла еще более холодная кровь.

Согревшись, голодная Красноротая трогалась в путь и скользила вдоль межи, блестя на солнце. Обычно она направлялась к соседнему, засеянному просом полю, где росло несколько кустов, на которые садились воробьиные стаи.

Змея бесшумно подкрадывалась и поджидала, когда сядут воробьи. Тогда она устремляла острый взгляд своих стеклянных неподвижных глаз на ближайшего воробья и смотрела на него, не мигая.

Сначала воробей ежился и прижимал свои крылышки, а затем, словно опьяненный каким-то дурманом, в изнеможении падал на землю. Красноротая проглатывала его целиком и, не обращая внимания на тревожный писк его товарищей, засыпала на несколько часов. Потом она просыпалась, услышав позвякивание колокольцев стада коров и крики пастуха. Не раз тот гнался за нею, не раз запускал в нее своим тяжелым посохом. Но Красноротая умела бегать быстро, как стрела, грозно шипя при этом. Как-то она даже сама бросилась на пастуха, и тот чуть было не умер от страха.

В это утро змея была злой и голодной. Она, как обычно, погрелась на солнце и двинулась вдоль межи. В траве полз слизняк. Красно-ротая заметила его и решила поймать. Только взобралась она на межу, как наткнулась на Схорохода и Копушу.

Оба друга спали беспечным и глубоким сном.

Удивленная присутствием непрошенных гостей, змея сердито зашипела. Ее тонкий язык, раздвоенный наподобие рогатки, злобно метнул-

ся вперед. С угрожающе поднятой головой она направилась к ежу. Тело ее собралось, а затем вдруг распрямилось с молниеносной быстротой. Скороходу был нанесен страшный удар. Он взвизгнул, и, подскочив, перекувыркнулся.

Ошеломленный еж не мог понять, с кем он имеет дело. Но, услышав шипение змеи и почувствовав, как ее зубы впиваются ему в морду, он свернулся в клубок и выпустил свои иглы. Тогда змея натянулась, как провод для того, чтобы уберечься от его колючек. Началась борьба не на жизнь, а на смерть. Оба врага катались в высокой траве, и оттуда слышались приглушенные взвизгивания Скорохода и злобное шипение Красноротой.

Разбуженная шумом, Копуша высунула голову из-под своего толстого панциря и долгое время безучастно взирала на бойцов. Наконец ее медленный и неповоротливый ум осознал тяжелое положение Скорохода. Привстав на своих кривых широких ногах, она двинулась на змею.

Красноротая совсем не ожидала этого внезапного нападения. Она оставила ежа и обратилась к черепахе. Но Копуша тут же юркнула под свой панцирь. Обманутая змея снова двинулась на ежа. Однако Скороходу удалось подняться на ноги. Защищенный своими иглами, словно щитом, он в свою очередь перешел в нападение. Тщетно пыталась Красноротая ужалить его куда-нибудь. Колючки оберегали его

и делали неуязвимым. Змея видела налившиеся кровью глаза ежа. Она то и дело натыкалась на его иглы и, злобно шипя, отскакивала в сторону.

Вдруг еж сделал прыжок, и когда она отпрянула, чтобы уберечься от него, он ухватил ее за хвост. Красноротая изогнулась дугой и запищала от боли. Последним усилием ей удалось вырваться. Тело ее щелкнуло в воздухе, словно кнут, и сверкнуло на солнце. Еж не смог удержать ее и отлетел в сторону.

Почувствовав себя свободной, Красноротая пустилась наутек. Проворно изгибая свое длинное тело, она быстро достигла норы и вползла в нее.

ПОМОЩЬ МУРАВЬЕВ

Разгоряченный схваткой и недовольный тем, что ему не удалось убить змею, Скороход бегал вокруг норы Красноротой и придумывал, как бы заставить ее выползти наружу. Он пробовал разрыть землю, однако земля оказалась твердой, а змея была глубоко. Копуша ничем не могла ему помочь, и он бросил эту пустую затею.

— Я должен выкурить ее оттуда! — горячился он, грозно выпуская свои колючки. — Я ей покажу! Будет знать в другой раз, как нападать на спящих! На куски ее разорву! Я прикончу ее и раз навсегда избавлю от нее

бедных воробьев! Но как, как мне ее выкурить из ее убежища?

Вдруг он остановился и хлопнул себя по лбу.

— Беги скорей к муравьям! — крикнул он Копуше, и, прежде чем она поняла, как ему могут помочь эти маленькие насекомые, Скороход сам помчался к муравейнику, находившемуся поблизости, меж корней старой груши. Копуша в недоумении последовала за ним.

Муравьи в это время были заняты делом. Они запасались на зиму, тащили к ходам муравейника всякие зерна, соломинки и семена.

У входа в их жилище стоял на страже большой черный муравей. У него были длинные усы и суровое лицо воина.

— Что вам нужно? — спросил он строгим голосом.

— Мы пришли к вам, как к своим друзьям, — сказал еж, — а не затем, чтобы украсть у вас ваши запасы.

— Что вам нужно? — вновь так же строго проговорил страж.

— Нам нужна ваша помощь для того, чтобы расправиться с одной большой змеей, — ответил Скороход. — Мы только что сражались с ней. Она напала на нас, когда мы спали вон на той меже.

— Змея? — воскликнул муравей. — Да ведь это была наверняка Красноротая, присвоившая себе нашу межу!

— Она ранена и лежит сейчас в своей норе, — продолжал еж. — Мы пришли к вам с просьбой помочь нам прикончить ее.

— Мы с радостью вам поможем! — воскликнул страж. И, обратившись к одному малюсенькому муравью, который ташил просяное зернышко, велел ему известить об этом муравейник.

Через несколько минут из-под корней дерева потянулись боевые ряды муравьев. Были высланы дозорные, чтобы разузнать, в каком положении находится змея. Скороход и Копуша шли медленным шагом позади последней колонны муравьев, чтобы не оскорбить воинскую честь насекомых.

Возвратившиеся дозорные сообщили, что Красноротая действительно ранена и лежит в своей норе. Тогда первые ряды муравьев ворвались в жилище змеи.

Скороход приготовился к встрече со своим врагом. Он занял такое положение, что Красноротая могла его заметить только при выходе из своего укрытия.

Когда муравьи вступили в темную и глубокую нору, змея лежала неподвижно в своем подземном логове. Ее окровавленное тело было свернуто кольцом. Из раны на конце хвоста сочилась кровь. Обессиленная борьбой, она не слышала тихой поступи насекомых. И только когда их зубы впились в ее раны, она поняла, какая страшная опасность грозит ей.

Злобно зашипев, змея ринулась к выходу. Но по всему протяжению норы двигались муравьиные ряды. Насекомые облепили ее. Красноротая корчилась от боли и быстро пробиралась к выходу. Когда ее плоская голова выглянула из укрытия, Скороход приник к траве и стал ждать, пока змея не выползет наружу. Тогда он набросился на нее. Красноротую прикончили без особого труда. Ее позвоночник был переломлен ежом, а тело почернело от облепивших его муравьев. Через несколько минут она была мертва.

НЕБЛАГОДАРНЫЕ СОСЕДИ

Весть о смерти змеи облетела всех обитателей поля. Сороки распространили ее по всей окрестности. Их болтовня привлекла внимание одного коршуна, который внезапно появился и унес остатки длинного тела Красноротой.

— Ну, теперь-то, я думаю, мы можем быть спокойны, — сказал еж своей подруге. — Никто не станет отрицать за нами права жить на этой меже.

Однако спустя два дня нагрянули перепела и поселились в траве.

Когда Скороход пошел с ними ругаться, они рассмеялись ему в лицо.

— Межа не принадлежит никому, — заявила самая старая перепелка. — Места тут хватит на всех нас. Мы ничем вам не помешаем.

— Дело не в том, кому принадлежит межа, — возразил Скороход, — а в том, что, где вы ни поселитесь, всюду беду накликаете. Мне не хочется иметь дело ни с охотничьими псами, ни с этой разбойницей-лисой, ни с разными там бандитами-ястребами. Вас много, а места тут очень мало. Ради вас самих советую вам покинуть межу и поскорее убраться отсюда.

Но перепела не имели намерения «убираться».

На следующий день явился и заяц. Он расположился в самом лучшем месте, под кустиком, который защищал его от солнца. Пе-

репела сразу же подружился с ним. Чтобы прогнать его, Скороход применял всякие хитрости, но ничего не помогало. Тогда он решил напугать его. Когда заяц уснул, еж пробéжал мимо него так стремительно, что испуганный прищелец вскочил как ужаленный.

— Что случилось, дружок? — спросил заяц, вытаращив глаза и двигая своими длинными ушами во все стороны.

— Не видишь, что ли? Охотники идут, — ответил Скороход.

— Охотники? Где они?

— Нет у меня времени показывать тебе их, раз ты настолько слеп, — проговорил еж и отошел.

Он полагал, что заяц убежит с перепугу, но просчитался. Долгоухий прищелец снова улегся калачиком под кустик и так съежился, что стал невидимым.

«Когда и в самом деле придут охотники, он станет жертвой своей собственной глупой хитрости, — подумал Скороход. — Вместо того, чтобы убежать в лес, он торчит здесь, и собаки охотников учуют его и выдадут своим хозяевам».

Через несколько дней межа, где собралось столько всякой дичи, начала привлекать внимание хищных птиц и зверей.

Сокол кружил высоко в небе, подстерегая перепелов. Ястребы спускались так низко, что крылья их касались травы. По ночам бродила вокруг куница, а одна ласка, гибкая и

жестокая, напала среди белого дня на зайца, оставив на его шее страшные следы своих зубов. За два дня пропали три перепела.

Скороход и Копуша всегда старались помогать своим соседям в беде. Заслышав вопль старой перепелки, они сразу же спешили на выручку и прогоняли врага. Если бы не Ско-

роход, заяц давно бы погиб, но вместо того, чтобы как-нибудь отблагодарить своего спасителя, он продолжал вести себя по-прежнему надменно.

— Вам надо уйти в поле, — каждый день убеждал соседей Скороход. — Чем дольше вы будете оставаться здесь, тем чаще будут нападать на вас звери. Мне уже надоело повторять вам одно и то же!

— А почему бы вам с горбуньей не убраться отсюда? — ответили оскорбленные перепела.

— Довольно вам кичиться своими заслугами и заботой о нас, — говорил заяц. — Должен вам заявить, что не нуждаюсь в вашей помощи. У меня хватит сил, чтобы самому справиться с врагами.

— Пойми же, что эти ястребы и соколы не из-за меня тут кружат, а из-за вас! — восклицал разгневанный Скороход.

— Это еще неизвестно, — возражали перепела.

Не в силах убедить их, еж выходил из себя и принимался гнать их с межи. Тогда налетали ястребы и хватали бестолковых птиц.

— Оставь их, разве ты не видишь, что, выгоняя их, готовишь им верную гибель! — умоляла его Копуша, у которой было мягкое сердце.

— Нет нам покоя и здесь, — качал головой Скороход. — Придется искать другое место.

Спустя несколько дней оба друга решили покинуть межу и перебраться на один непа-

ханый участок, густо заросший сорняком. Но в день их переселения произошло нечто необыкновенное, что изменило их жизнь и обрекло на новые, еще более страшные мучения.

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ВОЗДУХУ

За горой, что синела вдали на горизонте, жил большой горный орел. Его огромное гнездо находилось на высоком утесе.

Каждое утро орел поднимался высоко под облака, где описывал широкие и плавные круги. Так он оглядывал окрестность.

Однажды утром он заметил зайца, возвращавшегося с поля, видел, как тот нырнул под кустик, но не напал на него, так как был не очень голоден. А что касается перепелов, то орел не любил охотиться на них — для него это была мелкая добыча.

Он уже готовился повернуть к утесу, как вдруг заметил на меже что-то похожее на камень, побуревший от солнца и дождя.

Это была Копуша.

Черепаша спала рядом со Скороходом.

Орел вспомнил про своего орленка, которому он еще ни разу не приносил черепаху, и решил вернуться с гостинцем. Прежде чем дать орленку, он бросил бы ее сверху на скалы, чтобы разбить ее панцирь.

Паря в вышине над Копушей, орел, определив своим метким глазом расстояние и нацелившись на межу, прижал свои огромные крылья и камнем ринулся вниз, с шумом рассекая воздух.

Только Скороход проснулся от шума. Но покуда он сообразил, откуда идет этот шум, широкие черно-бурые крылья распростерлись над ним. Страшными когтями своих сильных лап хищник схватил спящую черепаху.

Скороход ухватился за Копушу и попытался вырвать ее из орлиных когтей, но в ту же минуту очутился в воздухе, высоко над межой. Могучие крылья орла подняли его, как перышко.

— Помогите! Помогите! — закричал он.

Пришло было ему на ум выпустить свою подругу и прыгнуть вниз, но было уже поздно. Орел летел высоко над полем, и межа виднелась внизу узкой желтоватой полоской.

Обомлев от испуга, Скороход зажмурил глаза и еще крепче ухватился за черепаху.

По равномерному и плавному полету орла оба поняли, что поднялись очень высоко и что сейчас птица направляется к своему гнезду.

Собравшись с духом, еж открыл глаза и посмотрел вниз. Поле осталось позади. Вдали едва угадывалось село, затерянное меж ивами, а речка блестела на солнце, как тонкая стальная струна. Орел был уже над горой. Под ним, как в пропасти, виднелись зеленые кудри леса и синеватые русла ущелий.

Через несколько минут они пролетели над самым высоким гребнем горного хребта. Впереди показались вершины другой, еще более высокой горной цепи. Там было гнездо орла. Между двумя горами простиралась длинная и узкая долина, прорезанная большой рекой. Где-то посреди этой долины тускло поблескивали зеленоватые воды огромного болота.

Когда орел пролетал над болотом, в голубом, позолоченном солнцем небе показалась еще одна большая птица, летевшая ему навстречу. Скороход и Копуша различили по размаху крыльев другого орла. Он отличался от их похитителя своим белесовато-серым цветом и тем, что под клювом у него висели, наподобие бороды, пучки мягких, похожих на шерсть, перьев. Кроме того, крылья его были длиннее и заостреннее.

Их похититель ускорил свой полет. Темно-коричневые перья на его шее вздыбились и стали походить на стрелы. Было ясно, что орел-бородач готовится напасть на него. Горный орел попытался подняться еще выше, но ему мешала его ноша. Бородач настиг своего врага и налетел на него, как метеор.

Завязался бой. Оба противника издали пронзительные крики, заставившие пленников замереть от страха.

Когти горного орла — самое грозное его оружие — были заняты. Для того, чтобы можно было успешно обороняться, он выпустил свою добычу.

Скороход и Копуша камнем полетели вниз. Воздух свистел у них в ушах. Над ними слышались крики сражавшихся орлов.

Прятели держались друг за дружку, оцепенев от страха, не в состоянии ни мыслить, ни говорить.

— Ой-ой-ой! — кричала черепаха и болтала кривыми ногами, словно искала опоры в воздухе.

— А-а-а! — выл еж, крепко обхватив ее панцирь. Со страшной скоростью неслись они вниз, где поблескивало что-то большое и гладкое. . . Раздался оглушительный всплеск, и друзей быстро окутал мрак и холод. . .

Они упали в болото. . .

Н Е З Н А К О М А Я Т Е Т Я

Тяжелая Копуша после падения камнем пошла ко дну. Ошеломленная сильным ударом, она пролежала там несколько секунд в тине. Но холодная вода скоро привела ее в чувство. Черепаха заработала своими широкими ногами, словно лопастями, и вскоре очутилась на поверхности.

Скороходу, который не умел хорошо плавать, с большим трудом удалось выбраться на поверхность. Испуганный и грязный, он барахтался посреди болота.

Копуша поспешила к нему на помощь. Она

велела ему усесться ей на спину и подплыла с ним к кочке, выступавшей островком над поверхностью.

Приятели были спасены. Они стояли на кочке и испуганно оглядывали неподвижную, густо заросшую осокой, зеленоватую ширь с торчащим кое-где тростником. В воздухе стоял

острый запах гнили и какой-то особой травы. Вдали виднелись склонившиеся над водой ивы. Казалось, что здесь не обитает ни одно живое существо.

Скороход и Копуша не смели спокойно осмотреться вокруг. Над ними в вышине все еще продолжали схватку орлы, и оттуда доносились их воинственные крики. Друзья боялись, что хищники могут их заметить и снова поднять к облакам. Наконец, орлы отлетели вдаль, к утесам горы.

— Как же быть теперь? Как нам выбраться из этой воды? — проговорил со вздохом еж, который никогда раньше не видал болота.

— Залезешь ко мне на спину, и высадимся на твердую землю, — ответила Копуша.

— Но куда мы отправимся? Кто нам укажет, как выбраться из болота? Как видишь, оно необитаемо.

— Смотри, кажется что-то плывет, — сказала черепаха.

Действительно, к ним плыло какое-то животное. Его длинное тело едва виднелось под водой. Оно было

похоже на мышь и плыло прямо на кочку. Приблизившись, животное высунуло из воды свою острую мордочку. Оно было крупнее обыкновенной мыши и, если судить по выражению его хитрых и колючих глаз, могло оказаться опасным врагом. Скороход ощутил невольный страх при виде этого странного водяного зверя.

— Ба! — изумилось животное, заметив наших приятелей.

Острые иглы ежа заставили его отпрянуть... С другой стороны, незнакомого зверька поразило присутствие здесь таких странных существ.

Поморгав своими маленькими хитрыми глазками, животное приблизилось к Копуше и весело отряхнулось от воды. Его шерстка была гладкой и чистой.

— Не приходите ли вы какой-нибудь родственницей моей приятельнице Желтушке? — спросило оно. Черепаха растерянно смотрела на него, словно не понимая, что ей говорят. —

И вы мне тоже знакомы, — прибавило страшное животное, обращаясь к ежу.

— Мы попали сюда совсем случайно, — сказал Скороход. — Откуда же вам знать нас? Меня зовут Скороходом. Мы только что вырвались из когтей орла. . .

— Орла? — ухмыльнулось животное. — Что-то мне не верится, но допустим, что это так. Разрешите представиться — Остроносик, водяная крыса.

— Ага, вы из рода сусликов и полевых мышей! — весело воскликнул Скороход.

— Это мои хорошие знакомые. А вы — еж, который живет в поле. . . Дурная слава ходит о вас, — усмехнулась водяная крыса. — Там у меня много родичей: и суслики, и мыши, и хомяки, и даже белки в лесу — все мне родственники, кто близкий, кто дальний. Все они грызуны, и у всех очень острые резцы. . . Мыши, например, весьма дурно о вас отзывались, — добавил Остроносик.

— М-да, конечно, — неохотно согласился Скороход.

— Слыхала я, что вы не прочь полакомиться их мясом, — сказала водяная крыса.

— Они ведь. . . такие пакостники, — попробовал защититься Скороход.

— Не стоит оправдываться, — прервал его Остроносик. — Стало быть, вы не знаете, что тут живет ваша тетька Желтушка? — обратился он к черепахе.

— Моя тетя? Насколько я знаю, у меня нет тети.

— Ба! Стыдно не знать своих родственников, — заметила водяная крыса.

— Уть-уть, ути-ути, — послышались какие-то голоса из зарослей тростника, стоявших в стороне желтой стеной.

Скороход и Копуша испуганно переглянулись.

— Это криквы — дикие утки, — успокоил их Остроносик. — С утра о чем-то болтают.

— Разве живут тут дикие утки? — осведомился еж.

— Их сколько угодно здесь, и самых различных видов. Есть крупные, похожие на домашних, которых называют мартовскими ку-пальщицами, они прилетают с юга обычно к марту; есть и совсем маленькие, как голуби. Это чирки. Но все они очень хитрые и хорошо умеют прятать свои яйца. Вот сегодня я долго искал их на том берегу и ничего не мог найти. Как видите, я тоже не выдаю себя за святого. Очень люблю яйца, особенно свежие, — проговорил Остроносик.

Внезапно послышалось мягкое и звучное посвистывание. По стоячей воде скользнула тень.

Крыса в испуге нырнула и в миг исчезла под водой. Над болотом кружила большая серо-коричневая птица. Она жалобно кричала, словно жалуясь на что-то. Заметив приятелей, птица опустила крылья, чтобы рассмотреть их по-

лучше. Затем отлетела к берегу и стала кружить над зарослями тростника.

— Не ждет нас ничего хорошего, — грустно промолвил Скороход. — Не скоро кончатся наши мытарства.

Оба продолжали неподвижно стоять на своем маленьком островке, не зная, что предпринять.

Солнце шло к закату. Вечер мог застать их посреди болота и, кто знает, какие еще злоключения обрушить на их голову.

Они с беспокойством прислушивались к различным голосам, которые доносились из тростника. Над их головами пронеслись дикие утки. Потом пролетели какие-то необыкновенные птицы с длинными ногами и длинными клювами.

— Попробуем доплыть до берега, — предложила Копуша, которая не боялась воды. Но Скороход не решался. Он предлагал выждать еще немножко. Быть может, вернется Остроносик.

Вдруг вода возле них забурлила. На поверхности показалось нечто вроде змеиной головы, а за ней последовало широкое, в желтых пятнах, тело черепахи.

Пораженная Копуша со страхом взирала на это, подобное ей существо. Скороход в изумлении отступил на шаг.

В ту же минуту возле гостыи появилась голова Остроносика.

— Ваша тетя, — весело представил он.

— Я, действительно, никогда не видела тебя, — заговорила певучим и ласковым голосом тетя, — но много слышала о тебе, и мне всегда хотелось увидеться со своей племянницей.

Копуша очень смутилась.

— Моя мама никогда не говорила мне про

вас, — вымолвила она. — Должно быть, забыла, что у меня есть тетя.

— Мы, черепахи, живем долго, но память у нас короткая, — усмехнулась тетя, приближаясь к Копуше. Обе черепахи прикоснулись мордочками, как бы целуясь. . .

— Но кто это с тобой? — спросила Желтушка и взглянула на ежа. — Какое неприятное создание!

Скороход, и без того неказистый, сейчас к тому же был весь в тине и выглядел совсем жалким.

Копуша представила своего друга тете.

— У меня нет постоянного жилища в болоте, ибо я провожу большую часть времени в воде. Но все же я приму вас как гостей.

— Было бы лучше, если бы вы нам сказали, как выбраться отсюда, — промолвил в ответ Скороход, которому не понравилась тетя.

— Поздно уже трогаться в путь, — сказал Остроносик. — Через несколько часов стемнеет. Лучше всего вам переночевать у нас, а завтра мы покажем вам дорогу.

— Разумеется, — подтвердила тетя. — Итак, за мной. Не стоит попусту тратить время.

Скороход снова оседлал Копушу, а Остроносик и тетя плыли рядом и время от времени подтрунивали над ним.

Водяная черепаха повела их к поросшей травой узкой полоске земли, которая виднелась неподалеку. Там она им показала сухой уголок, где можно было переночевать.

— Подать вам на ужин у меня нечего, — сказала она. — Моя пища находится в воде. Но Остроносик позаботится.

Крыса, которая жила здесь поблизости, отправилась за съестными припасами в свой тайный склад, приготовленный на зиму.

Гости успокоились и приготовились к ночлегу.

Скороход попробовал перед этим поймать какую-нибудь лягушку.

Так как охота производилась по ночам, Остроносик и Желтушка оставили гостей и нырнули в воду.

Сумерки сгущались. Звезды начали отражаться в зеленоватой воде болота. Воздух пронизывало кваканье лягушек, а из зарослей тростника доносились всевозможные голоса. Одни были пискливыми и молящими, другие напоминали поросячий визг, третьи были нежными и приятными. Скороход выпустил свои иглы и насторожился, готовый к бою.

Вдруг со стороны тростника послышался страшный рев, словно там взревело какое-то чудовище. В ответ раздался пискливый звук, похожий на человеческий смех. . .

Оба приятеля прижались друг к дружке и в ужасе внимали страшным голосам, разносившимся над болотом.

О С Т Р О Н О С И К

Наутро, как только рассвело, Скороход и Копуша собрались в путь. Прежде чем тронуться, они расспросили тетю о животных, чьи крики им довелось слышать ночью.

— Мы пройдем через заросли тростника и там увидим этих чудовищ, которые совсем не так страшны, — сказала она.

Любезный Остроносик появился как раз вовремя и предложил свои услуги. Он был большим знатоком по части болот.

Копуша снова подставила свою спину ежу.

Все поплыли напрямик к тростнику.

— Смотрите, как бы не напал на меня мышатник, — заявил Остроносик. — Это мой самый большой враг. Непрерывно подстерегает меня.

— Вон он! — воскликнула Желтушка. — Кружит над нами!

Скороход и Копуша увидели ту самую серо-бурую птицу, которая вчера так напугала водяную крысу. Она описывала большие и правильные круги над болотом.

— Если я вас внезапно покину, то не сердитесь на меня, — предупредил Остроносик.

Но мышатник куда-то отлетел, и он успокоился.

— Не легка ваша жизнь, — заметил Скороход, обращаясь к водяной черепахе, которая плыла бок о бок со своей племянницей.

— Да, надо быть постоянно начеку, — согласилась та. — Но вы еще ничего не видели. Вот подождите, войдем в тростниковые заросли. . .

Вдруг водяная крыса закричала:

— Берегитесь! Под нами рыщет щука!

Все увидели большую хищную рыбу, скрывающуюся затем в глубине. Ее заостренная морда была вооружена страшными зубами, от которых не было спасенья ни рыбе, ни птице.

— Она хитрая! — вскричал Остроносик. — Угроза не миновала. Эта гадина рыскает неподалеку и подстерегает нас. Плывите за

мной! — и водяная крыса стремительно поплыла вперед.

— Скорее туда, где мельче! — кричала она.

— Вы-то не очень уж беспокойтесь, — проговорила тетя. — Остроносику стоит опасаться рыбы, а нам нет. Однажды она поймала меня и попыталась проглотить. Но я укрылась под своим панцирем, и она чуть было не задохнулась. Убедившись, что ей не удастся полакомиться мной, она отпустила меня. Но у Остроносика нет панциря, и если щука поймает его, то растерзает в тот же миг, — заключила тетя.

Они опять увидели, как метнулась под водой рыба. Она направлялась к какой-то черной точке, которая медленно передвигалась вблизи тростниковой заросли. Это была дикая утка, прогуливавшаяся со своими утятами.

Остроносик тотчас же угадал намерения щуки.

— Смотрите, она подкрадывается к утке! — воскликнула крыса.

— Бедная! Крикни ей, чтоб спасалась, предупреди ее! У меня такой слабый голос, что она не услышит меня! — вскричала Копуша.

— И я тоже сильным голосом не отличаюсь, — промолвила тетя.

Все ожидали, что водяная крыса предупредит утку, но она молчала.

— Отчего ты не кричишь? — спросил встревоженный Скороход. — Еще есть время, чтобы спасти несчастную птицу.

— Она не поверит мне, — холодно ответил Остроносик. — Пусть бережется сама. Не люблю я их. . . Они не очень-то обо мне беспокоятся, даже желают моей смерти.

Все замолчали, пораженные жестокостью крысы.

Скороход попробовал сам предупредить птицу, издав похожие на похрюкивание звуки. Но было уже поздно. Щуке удалось подплыть под свою жертву, и все видели, как утка забила крыльями и исчезла под водой.

— Конец, — промолвила крыса.

— Как можно быть таким бессердечным! — упрекнула черепаха.

— Не могу быть другим в этом болоте, — ответил Остроносик. — Тут всякий сам спасает свою шкуру. Никто никому не помогает. А могло бы быть иначе, если бы мирные птицы сдружились между собой. Тогда бы хищная щука, ястребы и соколы не истребляли каждый день столько птиц. Нужно быть жестоким, чтобы можно было жить в таком обществе.

Все умолкли, пораженные таким бессердечным и грубым ответом Остроносика, который им стал неприятен. Желтушка, заметившая это, тихонько шепнула Копуше на ухо, что он им очень необходим для благополучной переправы через болото и что поэтому с ним надо быть полюбезней.

Когда они приблизились к тростнику, Остроносик велел плыть как можно тише.

— Опасность подвергнуться нападению сей-

час меньше, но зато птицы, которые прячутся здесь, не любят, когда их беспокоят, и, завидев нас, поднимут такой вой, что не удивительно, если вокруг нас соберутся все мышатники, — сказал он.

КТО ПРЯТАЛСЯ В ТРОСТНИКЕ

Еще не доплыв до тростника, наши приятели заметили, что над водой зеленели широкие сочные листья растений, которые покрывали большую часть болота. Они росли так плотно друг к другу, что образовали настоящий покров над водой. Кое-где на нем виднелись белые нежные цветы.

— Это водяные лилии, — объяснил Остроносик, когда еж спросил, что это такое. — Этот зеленый ковер служит защитой зеленоногим водяным курочкам. Сейчас мы увидим какую-нибудь из них.

И действительно, наши путешественники заметили, как одна небольшая длинноногая птица быстро заковыляла по листьям водяных лилий. Она легко и без опаски передвигалась по ним, словно бежала по лугу. Ее лоснящееся зеленое оперение сливалось с покровом, образованным водяными растениями, корни которых были под водой. Голову водяной курочки украшал небольшой оранжевый гребешок, как у петушка.

Копуша окликнула птицу, но та в испуге побежала в тростник, прыгая с листа на лист.

— Она побаивается меня, — сказал Остроносик. — К тому же она нелюдима и необщительна. Ее сестра Каменушка смелее. Но обе они, по-моему, дурочки.

Чем ближе они подплывали к тростнику, тем яснее видели, что время от времени заросли шевелятся. Меж стеблей мелькала порой какая-нибудь черная головка и слышались разные голоса.

— Караульщики нас заметили, — неожиданно проговорил Остроносик, задрвав кверху голову и сердито посмотрев на двух птиц, пролетавших над ними — Ух, предатели! — выругался он.

Две неизвестные птицы летели как-то уж очень потешно. Они перевертывались в воздухе, заваливаясь то на один, то на другой бок, и издавали тревожные крики, словно вопрошали наших приятелей:

— Кто вы? Кто вы?

Крылья у них были широкие и черные, а животы белые-белые. На головах — тонкие, красиво приглаженные назад хохолки.

— Не беспокойтесь, милые, — обратилась Желтушка к птицам. Но те продолжали издавать свои тревожные вопли.

— Бесполезно успокаивать их, — сказал Остроносик. — Это болотные ищейки, они могут привлечь своими криками мышатника.

Но ничего, я им отплачу за это, дайте только напасть на их вкусные яйца.

— Что это за птицы? — спросил Скороход. Его очень изумил полет птиц.

— Это чибисы, — ответил Остроносик. — Я называю их черными предателями. Почуввав опасность, они тут же предупреждают всех обитателей болота. Птицы и другие мирные жители любят их, но мне они ненавистны. . . А вот еще один дармоед прилетел, — добавил он.

Над путешественниками закружила хищная птица. У нее была белая грудь и широкие крылья с черными полосами.

— Мой приятель, пегий лунь, — презрительно проговорила крыса и в тот же миг юркнула в тростник.

Лунь опустился совсем низко и чуть было не схватил Скорохода.

Спасаясь, еж спрыгнул с черепахи в воду и с перепугу потом еле смог снова взобраться на спину Копуши. Но только он залез туда, как лунь опять спихнул его в воду. Хищная птица весело вскрикивала, словно забавляясь ежом, который в свою очередь злобно урчал.

Чтобы избавиться от наглого луня, все поспешили в заросли тростника. Тут плыть

им стало очень трудно. Стебли тростника мешали свободно передвигаться. Испуганная лунем, водяная крыса покинула их, и они не знали дожидаться ли ее или продолжать путь самим. Чем глубже заплывали они в эту чашу, тем все больше возрастала их неуверенность.

Оказалось, что тетя не знает дороги к берегу. Необходимо было дождаться возвращения Остроносика. Все трое решили подыскать сухое место и отдохнуть. Сунувшись туда-сюда, они очутились среди всевозможнейших птиц, чьи тихие голоса неслись со всех сторон. Из-за стеблей за ними следило множество любопытных и враждебных взоров.

— Кря-кря! — всполошилась одна дикая утка.

— Уть-уть, ути-ути! — раздался голос селезня.

Оба они предупреждали своих маленьких утят об опасности.

Вслед за этим послышался голос другой матери. Старые утки стали все чаще появляться на их дороге. Только теперь трое приятелей увидели, как много птиц скрывается здесь.

Были тут и большие утки, похожие на домашних, с зелеными головками и белыми ободками на шее, были и маленькие, с всевозможными украшениями и красно-бурыми головками. Встречались, наконец, и такие, хвосты у которых были длинные и заостренные, как ножи.

Копуша приветствовала их, дружески кивая

головой, а тетя, которая была с ними знакома, обращалась к ним по имени. Однако утки держались недружелюбно, даже враждебно.

— Их пугает Скороход, — сказала водяная черепаха. — Они очень недоверчивы и осторожны, потому что много натерпелись от своих врагов.

— Эй, белокурая, иди сюда! Давно ведь не виделись! — крикнула она одной утке со светло-желтыми ободками вокруг глаз. — Иди,

я открою тебе место на дне нашего болота, где больше всего улиток.

— Не верю я тебе, — отвечала утка. — Что это за зверь с тобой?

Она спрашивала про ежа.

— Приятель, — ответила тетя.

— Врешь! Ты хочешь нас провести. Не могу тебе верить, все твои приятели такие, как водяная крыса.

— Верно, — вмешались другие утки. — Но мы поможем ему утонуть.

— А ну, друзья! — воскликнула одна из них, и все дикие утки разом устремились к трем приятелям и стали сильно бить по воде своими крыльями.

В это время обе черепахи выплыли из зарослей тростника на открытое место. Желтушка угадала намерение уток и крикнула своей племяннице, на спине у которой сидел Скорород, чтобы она возвратилась в тростник, однако было уж поздно.

Вода вскипела под дружными ударами утиных крыльев. Волны и брызги обдали ежа. Он вдруг очутился среди настоящего бурного моря. Копуша, хотя и хорошо плавала, все-таки могла перевернуться и сбросить своего друга в воду.

Сердитое кряканье стало еще громче. Со всех сторон прибывали новые дикие утки. Дело было не шуточное. Черепахам не угрожала опасность, однако ежу не мудро было утонуть.

В эту минуту показался Остроносик.

Появление водяной крысы вмиг заставило уток разбежаться.

Чтобы отдохнуть и перевести дух после сильного волнения и усталости, все четверо поплыли к небольшому бугру из прутьев и грязи, который виднелся вблизи тростника. Они были возмущены утками, встретившими их так плохо.

Н О В Ы Е И Н Е П Р И Я Т Н Ы Е З Н А К О М С Т В А

Расположившись на этом бугре, они установили, что он был внутри пустым. По бокам его, близко друг от друга, были проделаны небольшие круглые отверстия, заткнутые соломой и листьями тростника. На верху этой странной постройки была плотно прилегающая крышка, которая служила дверью.

Черепахи приложили немало усилий, чтобы вскарабкаться на бугор по его покатым склонам, тогда как Остроносику и Скороходу это не стоило почти никакого труда. Там они отряхнулись от воды и стали сушиться под лучами сильного полуденного солнца.

— Эта лачуга сделана людьми для наших приятелей диких уток, — сказал, усмехаясь, Остроносик. — Отсюда охотники стреляют их зимой, чаще всего по ночам.

Он стал на задние лапки, зализал свою гладкую, взъерошившуюся от воды шерсть, очистился от грязи и продолжал:

— Охотники забираются внутрь и оттуда подстерегают их, высматривая вот в эти небольшие оконца. Для приманки они привязывают снаружи их названных сестер — прирученных уток, которые, кстати, большие тупицы и, не понимая, что делают, подзывают к себе своих родственниц, и те становятся жертвой их подлости. Охотники бьют их из ружей.

— И они не могут понять, что их проводят и продолжают верить таким подлецам? — спросил еж.

— У всех у них короткая память, — отрезала крыса. — Мне нет никакого смысла оберегать их, но я не раз пытался открыть им глаза на их собственную глупость. Однако я не внушаю им никакого

доверия. Они в обиде на меня за то, что я ем их яйца.

— Велики ли жертвы, которые они несут? — спросил Скороход.

— Они гибнут сотнями, чтоб не сказать, тысячами. Глупый народ.

— Они не глупы, — попробовала заступиться за них тетя, — но люди очень хитры. С людьми никто не может сравняться по уму. Но как они страдают, бедные, как страдают! — закачала она головой. — Когда их начинают стрелять, к болоту слетаются целые стаи птиц. Они нападают и на здоровых, и на раненых. Куда ни взглянешь — всюду пух от съеденных уток.

Несмотря на то, что утки так плохо обошлись с ними, Скороход пожалел их и простил им. Много горя видят они, и можно было понять их недоверчивость.

Отдохнув и погревшись на солнышке, наши путники приготовились к новым испытаниям

и встречаю. Берег болота был уже не так далеко, но Остроносик предупредил их, что, пока они достигнут твердой земли, им придется встретить немало трудностей.

— Кроме того, именно теперь не следует забывать об опасности, — сказал он. — До сих пор мы пробирались по мелкому участку болота, а сейчас пройдем через более глубокие места. Там повстречаем опасное племя. Вот почему нужно глядеть в оба.

СКВЕРНОЕ ПЛЕМЯ

Действительно, вступив во вторую тростниковую рощу, они повстречали птиц, очень похожих на уток. Эти птицы ловили рыбу. Они ныряли в воду друг за другом и плыли под ней, загребая крыльями так быстро, что Копуша и Скороход изумились их ловкости.

Приблизившись, они заметили, что птицы были двух видов. Одни — черные и безобраз-

ные, с зелеными глазами и большими, слегка загнутыми книзу, клювами. Другие, похожие на них, были так же безобразны, но поменьше.

— Это бакланы, лучшие в мире рыболовы, — объяснил Остроносик. — Они хитры и смелы. А вон и другие их товарищи. Смотрите, как они облепили вон ту иву.

Невдалеке, там, где виднелась низкая и кривая ива, сидело с десятков бакланов. Их зобы, набитые рыбой, были сильно вздуты.

— Эй, Остроносик, — окликнул кто-то крысу. — Куда это ты ведешь своих спутников?

— Не бойся, Кудлатик, — обратилась водяная крыса к внезапно вынырнувшей из воды птице, чья черно-зеленая голова напоминала своим длинным, торчащим на затылке, пухом голову непричесанного мальчика. — Не съедим твою рыбу.

— Дело не в рыбе, — ответил Кудлатик. — Тут наши гнезда, ты же любишь яйца. Смотри, мы не прощаем.

— А это еще кто? — спросил Скороход. — На голове-то — словно колючки!

— Поганка, — объяснила тетя.

— Этот не страшен, — сказал Остроносик. — Я боюсь только цапель. Забыл вас предупредить: берегите глаза. У них дурные повадки.

— Где они, эти цапли? — поинтересовалась Копуша.

Остроносик не ответил. Внимание его привлекла другая голова, высунувшаяся из воды. Два пучка черных перьев, торчащие в стороны,

и вздутые щеки делали ее похожей на змеиную голову. Из рта ее вырвался громкий, подобный поросычьему визгу, крик. Длинный красный клюв и, в особенности, красные глаза придавали этой птице что-то зловещее и мрачное.

Все молча смотрели на нее. Они были поражены, и их удивление возросло еще больше, когда птица показала над водой часть своей спины. На ней покоились двое ее детенышей. Остальные плыли рядом, окружив мать.

Присутствие Скорохода обеспокоило птицу. Она закричала еще громче и пронзительней.

Водяная крыса встревожилась.

— Это самка, жена старого нырка Рогача, — испуганно проговорила она. — Они не одни. Просто отбились от своей колонии, которая тут неподалеку. Нужно обойти их.

— Какая колония? — спросил Скороход.

— Для лучшей защиты от врагов нырки устраивают свои гнезда близко одно от другого. Они гнездятся массами. Скверное племя.

В это время поросычий визг стал раздаваться в разных местах. Страшные головы вылезали из воды одна за другой.

— Судя по всему, нам придется с боем пробивать себе дорогу, — промолвил Остроносик. Эти черти не дадут нам спокойно пройти через их селение. Ну, а если они хотят драться, то что ж, мы готовы. Зубы у меня наточены, — и он раскрыл рот, показывая свое грозное оружие. Глаза его стали жестокими и холодными.

— А может, нам удастся поладить с ними? —

выразила надежду Копуша, бывшая миролюбивым зверьком.

— Попробуем, — сказала крыса.

— Послушай, Рогачка, — крикнула она одной из птиц. — Пойми же; что мы пришли не с тем, чтобы причинить вам зло. Просто путь наш к берегу проходит через ваши места. Успокойся же, будет тебе крякать!

Но птица даже не взглянула на нее. Она продолжала испускать неприятные крики. Явно было, что наши путешественники не внушали ей доверия. На ее крик собиралось все больше и больше нырков, враждебно оглядывавших путников своими красными глазами.

Остроносик быстро составил план действий. Он решил, что только напав первыми, они смогут увеличить свои шансы на победу. За черепах он не боялся. Зная, что те не представляют никакой опасности, нырки не нападут на них. Зато все они обрушатся на него и на Скорохода. Еж не умеет хорошо плавать, и ему будет не легко отбивать атаки нырков, которые любят нападать снизу, подобно подводным лодкам.

Он строго-настрого запретил Скороходу прыгать в воду и приказал любой ценой удержаться на спине черепахи. В свою очередь, тетя дала ценный совет Копуше и успокоила ее, сказав, что ей не угрожает никакая опасность.

— Что бы там ни случилось, помните, что мы должны продвигаться вперед, — сказал Остроносик.

— Главная наша цель — проскочить через это чертово селение, которое мы не можем никак миновать, ибо, двигаясь в обход, мы подвергнем себя нападению щуки, чьи зубы в тысячу раз опаснее клювов этих дьявольских птиц. А теперь за мной, вперед! — добавил он. — Скорей, пока, не собрались все нырки. Все четверо двинулись напрямик к птицам. Увидев, что они плывут к их гнездам, нырки

приготовились встретить атакующих, выстроившись в шеренгу, преградившую им путь.

— Не жалейте их, — предупредил Остроносик. — Кого схватите — крепко кусайте в шею. И берегитесь их клювов!

Прокричав свой боевой клич, водяная крыса ринулась в самый центр шеренги. Прямо против нее стоял один старый нырок. Испуганный стремительным нападением, он заколебался, не зная, на что решиться, и, чтобы уберечься от зубов Остроносика, попробовал было нырнуть в воду. Но в тот же миг крыса вскочила ему на спину и молниеносно вцепилась в его длинную шею. От него она кинулась к ближайшему нырку, однако тот юркнул в воду и напал на Остроносика снизу. Его тактика тотчас же была воспринята остальными нырками. Один за другим они стали нырять под него и атаковать снизу. Остроносик вертелся во все стороны, делал круги, пытаясь схватить кого-нибудь из своих преследователей. Однако они проявляли чертовскую прыткость.

Увидев, в каком положении очутилась крыса, Скороход крикнул ей, чтобы она встала на спину Желтушке.

Это оказалось спасительным средством. Черепаша была защищена своим панцирем, как броней. Кроме того, когда Остроносик вскочил ей на спину, нырки потеряли его из виду. Они продолжали искать его на воде и под водой. Однако, немного погодя, они открыли своего врага и дружно атаковали ежа и водяную крысу.

Скороход понял, что его испытанные колючки ничего не стоят в сравнении с клювами разъяренных птиц. Он только оборонялся, не пытаясь нападать. Тем временем, Остроносик расплачивался с нырками, нанося им быстрые и смелые удары. Со спины Желтушки он прыгал на кого-либо из атакующих и, крепко укусив его, возвращался на свой плавучий остров.

Обе черепахи продолжали настойчиво плыть вперед, не обращая внимания на бой. Они уже достигли селения нырков и сминали на своем пути их гнезда, в которых виднелись белые крупные яйца. Наконец, все четверо выбрались из селения. Бойкие птицы оставили их в покое лишь тогда, когда поняли, что никто не интересуется их яйцами, но все еще продолжали покрякивать, сгрудившись вокруг своих раненых товарищей.

— Еле ноги унесли, — весело проговорил Остроносик. — А теперь, прежде чем миновать гнезда цапель, которые куда свирепее этой саранчи, давайте отдохнем.

Четверо друзей забрались на глыбу ссохшейся грязи, покрытую высохшей травой и гнилыми стеблями тростника, отсюда до берега болота было уже совсем близко.

Ц А П Л И

Солнце садилось, когда они снова тронулись.

Остроносик намазал свои раны грязью, чтобы остановить кровь. Настроенный как всегда воинственно, он и сейчас готовился к борьбе. По временам он лукаво прищуривал один глаз, словно обдумывая какую-нибудь хитрость.

Все были озабочены предстоящей встречей. Крыса рассказала им о повадках этих хитрых и злых птиц, чьи клювы были остры, как иглы. Ими цапли пытаются ослеплять своих противников.

Скорохода и Копушу охватывал все больший страх и желание поскорее выбраться из болота и ступить на твердую землю. Им надоели муки и злключения.

— Плывите вон к тем, самым густым зарослям тростника! — распорядился Остроносик.

Углубившись в заросли желтого тростника, черепахи услышали голос водяной крысы, которая нарочно опередила их:

— Старик, ты спишь? Прости, что разбудили. — В гуще стеблей зашевелилась большая ржаво-серая птица с темно-коричневым крапом.

— Прошу обращаться ко мне с подобающим моему сану уважением! — послышался густой бас. — Что это значит — «старик», болван ты этакий!

— Извините, о великий вождь всех ца-

пель, — учтиво произнес Остроносик. — Я думал, что вы глубоко заснули и не услышите меня. Вы же, насколько вижу, были заняты созерцанием своей бороды.

— Я созерцаю звезды, а не бороду, — строго проговорил бас. — Я — звездочет.

— Но как же вы видите звезды среди бела дня?

— Мой взор не чета твоему, — гордо ответил бас. — Хотя сейчас и день, я представляю себе, что ночь, и все вижу на небе. Но скажи-ка мне, куда это ты направился?

В это время обе черепахи, разбираемые любопытством и напуганные низким, глухим голосом вождя цапель, нерешительно приблизились к разговаривавшим.

Они и Скороход увидели перед собой страшную птицу, похожую на взъерошенного филина. Ее длинный и острый клюв, был презрительно загнут кверху, а под ним торчали длинные белые перья, образующие нечто вроде бороды, закапанной кофе. Желтые глаза этой головы, почти вобранной в огромное тело, словно у нее не было шеи, были прищурены, надменны и хитры. Птица стояла на коряге в самой гуще тростника

Водяная крыса знаком велела черепахам остановиться. Затем она ответила повелителю цапель:

— Мы, о великий звездочет, просим позволить нам пройти через ваше царство

— Мы? — изумился вождь — Почему ты говоришь «мы»?

— Говорю «мы», потому что со мной мои товарищи, — ответил Остроносик.

— Товарищи? . . . Но где же они? Это ты не о своих ли жуликоватых братьях?

— Нет, черепахи мне не братья. Кроме них со мной путешествует и еж-Скороход.

— Какой еж? Говори толком! — строго произнес вождь. — А ну, пусть-ка мне представится этот господин.

Скороход был вынужден приблизиться и поклониться вождю.

Тот долго смотрел на него.

— Откуда ты идешь? — спросил он, несколько обеспокоенный колючим телом ежа.

Скороход рассказал ему историю с орлом. Вождь внимательно выслушал его.

— Не верю! — вскричал он, и голос его прозвучал, как рев. — Ты лжешь! Никто еще не уходил от орла. Он — властелин воздуха, равно как я — хозяин этого болота. Его власть безгранична.

Смешавшийся Скороход не знал, что сказать.

— Поверьте, он говорит правду, — вступилась тетя.

— Кто докажет, что видел их, когда они падали с неба? — вскричал вождь. — Вы хотите провести меня! Но я отлично знаю все ваши намерения, разбойники!

— Молчите, не перечьте ему! — шепнул им Остроносик.

Он смиренно опустил голову, подождал,

пока уляжется гнев звездочета и льстиво заговорил:

— Мы, повелитель, хотим мирно пройти через ваши владения. А кроме того, у нас есть приятная для вас новость.

— Какая новость? — прорычал звездочет.

— Во время нашего путешествия мы открыли селение нырков, чьи гнезда полны рыбы и яиц. К тому же, у некоторых нырков уже вы-

лупились птенцы, которые, как мы сами убедились, очень вкусны.

— А ты не лжешь? — воскликнул вождь.

Услышав эти слова, он тут же выпрямился и в миг преобразился. Тело его вдруг стало длинным и тонким, шея, которой у него никто и не предполагал, вытянулась вперед, как змея. От его царственного и надменного вида не осталось и следа. Вместо прежнего грозного и важного повелителя перед нашими приятелями стоял сейчас алчный и обжорливый старик — хитрый и вместе с тем исполненный злобы.

— Я говорю правду, — ответил Остроносик. — Это же могут подтвердить и мои товарищи.

Звездочет испытующе оглядел их.

— Где находятся их гнезда? — строго спросил он.

Остроносик с готовностью рассказал ему, сколько гнезд было на их пути, подробно описав при этом местоположение птичьего поселка. Однако он промолчал о схватке, а про рыбу солгал.

Старый вождь остался доволен.

— И все-таки, — сказал он, — несмотря на то, что вы сообщили мне такие важные вещи, я не могу вас пропустить через мое царство, но позволю его обойти.

И, не обращая более на них никакого внимания, он принял свою прежнюю величественную позу.

Скороход приготовился протестовать, но водяная крыса знаком остановила его.

Повелитель всех цапель спешил созвать племена. Закинув голову, он испустил такой сильный и страшный крик, что Копуша и Скороход замерли от страха. Такой же вопль они слышали вчера ночью.

Еще не заглох его рев, как тут же со всех сторон отозвались всевозможные голоса — одни — пискливые, другие — хриплые. Цапли одна за другой вылетали из окрестных зарослей тростника и собирались вокруг своего вождя. Среди них были и крупные серо-голубые, были и белоснежные с желтыми глазами и тонкими длинными перьями на затылке, очень красиво свисавшими им на спину, были и красноватые, маленькие и чрезвычайно беспокойные. . . Все возбужденно кричали. Радостная весть быстро облетела поселения цапель, большинство которых находилось в ветвях росших неподалеку ив.

Черепухам и Скороходу было непонятно, почему Остроносик выдал нырков. Они полагали, что он хочет угодить вождю.

Когда все цапли были в сборе, вождь повел их к селению нырков. Орда отлетела со страшным гвалтом.

Немного погодя, наши друзья услышали вопли нырков, которые отбивались, защищая своих детенышей. Не теряя времени, они продолжили свой путь. Только сейчас они поняли

хитрость Остроносика: сообщив цаплям о том, где расположены гнезда нырков, он извлек двойную выгоду: принудил алчных и хищных цапель покинуть на время эти места и отомстил ныркам, которые причинили им столько зла.

Путешественники спокойно прошли через селения цапель и достигли топкого берега болота раньше, чем зашло солнце. На ивах были видны большие гнезда, сделанные из хвороста и стеблей камыша. Это были гнезда особых цапель, называемых ночными. Из них высывались безобразные головы птенцов с длинными шеями и жадно раскрытыми клювами.

Н О В Ы Е П Р И К Л Ю Ч Е Н И Я

— Тут мне придется расстаться с вами, — сказал Остроносик прощаясь. — Без воды и тростника, где можно укрыться, я пропаду. Счастливого пути, не поминайте лихом! — прибавил он.

Копуша и Скорород испуганно переглянулись. Мысль, что они останутся одни среди этой неведомой топи, наполнила их страхом. Опять придется идти без проводника, а как им найти дорогу к их родному полю? Оно осталось где-то позади, за горой, вершины которой казались отсюда такими синими и далекими.

Вот почему, услышав, что Желтушка будет сопровождать их при переходе через топь, они очень обрадовались.

Нелегко было расставаться с водяной крысой. Остроносик стал для них дорогим и милым другом, хотя и был жесток и безжалостен. Ведь это он помог им выбраться из болота. Без него они наверняка бы пропали.

Когда крыса исчезла за прибрежными ивами, трое товарищей направились к горе. Трясина, по которой они шли, была не очень глубокой и легко проходимой. К тому же они нашли себе здесь пищу. Черепахи двигались медленно, провожаемые взглядами нескольких небольших птиц с длинными и тонкими клювами. Время от времени эти птицы издавали веселые, игривые звуки, словно смеялись. У них были большие черные, немного выпуклые глаза, и короткие округлые тела, легко и грациозно передвигавшиеся на длинных бледно-зеленых ногах.

— Бекасы, — сказала тетя. — Это такие насмешники. Подсмеиваются над Скороходом, потому что никогда не видали ежей.

Бекасы продолжали подтрунивать над ежом. Некоторые из них распушили свои короткие хвосты, усаженные коричнево-красными перьями.

— Какие они быстроногие! — кричали птицы и прыскали со смеху.

Оскорбленный еж не выдержал и погнался за ними. Бекасы только этого и ждали. Они вспорхнули так легко и быстро, что и ласточ-

ки, будь они здесь в эту минугу, могли бы позавидовать их ловкости.

— Кхе! Кхе! Кхе! — разнесся их смех.

— Нет смысла гоняться за ними. Не теряйте время, — сказала тетя.

Пройдя еще дальше по трясине, трое товарищей увидели, спустя некоторое время, других птиц. Они были похожи на бекасов, но каждая из них отличалась от другой цветом своего оперения. Только некоторые из них, что были поменьше, имели одинаковое оперение — сизо-коричневое с черным крапом

и темными пятнами на спине. Они стояли в стороне и смотрели, как дерутся другие.

— Это турухтаны, — сказала Желтушка. — Весь день дерутся. Те, что стоят в сторонке и следят за боем, — самки.

Копуша и Скороход остановились посмотреть на птиц.

Они дрались один на один, как петухи. Их длинные клювы были направлены друг против друга, словно острые шпаги, которыми они делали как бы стремительные выпады. Плотный слой перьев образовывал у всех них подобие щита вокруг шеи, и у всех них на макушке торчало по два пучка разноцветных перышек

— Почему они дерутся? — полюбопытствовал Скороход.

— Потому что мнят себя богатырями, — ответила водяная черепаха.

Прятели прошли мимо турухтанов, которые не обратили на них никакого внимания.

Копуше и Скороходу хотелось подольше посмотреть на бои, но тетя им не позволила.

— Мы еще увидим немало их родичей, — сказала она. — Род у них очень велик.

И действительно, двигаясь по трясине, они видели шнырявших в траве разных птиц, схожих с турухтанами. У всех были длинные клювы и длинные стройные ноги, которыми они шлепали по воде.

— Вон Чернохвостый бекас, — заметила Желтушка, — он очень важный.

Копуша и Скороход увидели одну довольно крупную птицу, ржаво-красную, с очень длинными ногами и оранжевым клювом, слегка загнутым кверху. Завидев их, птица испустила резкий звук, напоминающий свист.

— Не бойся, Чернохвостик! — прокричала ему тетя.

Она обернулась к ежу и добавила:

— Всполошился, потому что его гнездо тут поблизости.

Чернохвостый бекас скрылся в траве.

Пройдя еще несколько минут, наши друзья выбрались из трясины.

Солнце садилось, и тучные луга, простиравшиеся до самого подножия горы, казались освеженными и золотились под косыми лучами заходящего светила. Из травы кое-где выглядывали белыми пятнами аисты.

— Пришла пора уже и нам расстаться, — сказала тетя.

Она остановилась и грустно взглянула на Копушу.

— Больше не могу вас сопровождать. Дальше вам придется идти одним. Мне очень тяжело расставаться, милочка. Кто знает, увижусь ли я еще с тобой, — сказала она своей племяннице. — Но и твой приятель стал мне близок и дорог.

Копуша и тетя поцеловались.

— Обратитесь к какому-нибудь аисту, он укажет вам дорогу, — напутствовала их Желтушка. Насколько я знаю, их гнезда в де-

ревне, что по ту сторону горы. Они пролетают над ней каждый день и знают дорогу, и смогли бы вам показать кратчайший и наиболее легкий путь. Если хотите знать мое мнение, то я бы посоветовала вам поселиться где-нибудь у подножия горы, вместо того, чтобы возвращаться на ваше поле. Так будет лучше и для меня, и для вас, так как мы сможем видаться каждой осенью, когда воды болота заливают окрестность.

Она взглянула на Скорохода и добавила:

— Я, конечно, знаю, что в родном краю лучше всего. Но путь, который вам предстоит, труден и опасен. В горах вы повстречаете разных зверей и птиц, очень страшных, как я слыхала. Однако, если вы будете осторожны и смелы, то вы пройдете через них невредимыми. Счастливого пути! — и растрогавшаяся при прощании тетя вобрала голову в свой пестрый панцирь, чтобы они не заметили у нее слез.

Оставшись вдвоем, приятели, грустные, направились к горе. И только надежда увидеть свое родное поле не давала им упасть духом. Они должны были во что бы то ни стало возвратиться туда, где они провели столько счастливых лет.

Когда зашло солнце и громадная тень от горы легла на луга, Скороход и Копуша прошли уже полдороги. Аисты начинали отлетать один за другим. Наши путешественники спешили вовсю, чтобы настичь кого-либо из них и расспросить насчет дороги.

Наконец, они поравнялись с одним запоздавшим аистом, который с важным видом прохаживался по лужайке, норовя схватить своим клювом какого-нибудь кузнечика.

— Не можете ли вы показать нам дорогу через горы? — обратился к нему Скороход.

Услыхав голос ежа, аист вздрогнул от неожиданности и остановился, но, увидев наших приятелей, тут же успокоился. Он принял важную позу, исполненную достоинства.

— Дорогу через горы?! Неужто вы собираетесь идти туда? Гм, это не для ваших ног, — произнес он и окинул их презрительным взглядом.

— Нам надо попасть на поле, которое лежит по ту сторону горы, — объяснил еж.

— Уж не скажете ли вы, что и в теплые страны можете отправиться? — сказал аист, раскрывая от еле сдерживаемого смеха свой большой красный клюв.

— К вам нам посоветовала обратиться моя тетья, водяная черепаха, — промолвила Копуша. Она полагала, что это подействует на аиста, заставит его взглянуть на дело серьезнее. Но тот не обратил на это никакого внимания.

— Вам не под силу перейти через горы, — сказал он строго. — Но, если даже предположить, что вы на это способны, я-то, со своей стороны, не могу вам ничем помочь

— Возьмите нас к себе на крылья, — попросила его Копуша, — Мы уж постараемся

как-нибудь отблагодарить вас. Моя тетья, которая живет в болоте...

— Я вам не пассажирский самолет. Мое достоинство не позволяет мне заниматься подобными вещами, — оборвал ее строго аист и, повернувшись к двум друзьям спиной, важно и плавно удалился.

Пройдя немного, он остановился, как бы соображая что-то, затем выгнул свою длинную шею и поднялся с лужайки.

Копуша и Скороход провожали его унылым взглядом, покуда он не скрылся за синими очертаниями гор.

— Как нам быть теперь? — с сокрушением произнес Скороход.

— Пойдем одни, — ответила черепаха. — Авось кто-нибудь встретится и покажет нам дорогу.

Они направились к горе. Долго шли они, пока достигли ее подошвы. Гора вводила в заблуждение: казалось, что до нее так близко, просто рукой подать, а на самом деле, она была еще очень далеко.

Наконец, они дошли до нее и стали медленно взбираться по одному из ее склонов. Было решено идти всю ночь.

КАК ПРОПАЛА КОПУША

Стемнело, когда они очутились в невысоком, но очень густом лесу. Земля была покрыта опавшей прошлогодней листвой и хворостом. Трудно было идти по ней.

Скороход старался двигаться как можно тише, опасаясь встречи с волком или лисицей. Но для Копуши это было невысказано. Она была тяжелой и неповоротливой и никак не могла передвигаться бесшумно.

Друзья решили прикорнуть где-нибудь под кустом и там заночевать, несмотря на то, что оба сильно проголодались. Скороход посоветовал своей подруге лежать смирно и потерпеть насчет еды до утра, но лакомка Копуша и слышать не хотела о том, чтобы лечь голодной. Как только еж уснул под кустом, она принялась шарить в темном и сыром лесу.

Скороход слышал, как она встала, но сказал себе: «у нее не так уж много врагов. Панцирь защитит ее от беды. Пусть себе поищет еду», — и, успокоившись, снова уснул.

Долго шла Копуша по лесу, пока не выбралась на опушку, круто уходящую куда-то вниз, где из мрака слышались всплески воды и грохот горного водопада.

Черепашка нашла двух улиток и съела их, потом набрела на гриб, высунувший из-под земли свою белую шляпку. Гриб ей понравился, и она уже собиралась скушать его, когда перед ней сверкнула пара зеленоватых глаз

и слышались осторожные и тихие шаги. Копуша ушла в свой панцирь и оттуда увидела большой пушистый хвост лисы.

Лисица молча приблизилась и обнюхала ее. Видно, запах Копуши ей не был приятен, потому что лисица чихнула. Затем она присела рядом, лукаво взглянула на черепаху и вздумала пошутить.

Все так же молча, она встала к ней спиной и вдруг с силой пнула ее ногой. Черепаха кубарем покатилась по склону и быстро исчезла внизу, там, где kloкотал водопад. . .

Она все стремительнее неслась вниз, подсакивая и кувыряясь, и, чтобы не разбить панцирь, пыталась ухватиться за что-нибудь, либо задержаться при помощи ног, которые она высунула наружу. Но от быстрого падения у нее закружилась голова. Она поняла, что все ее усилия напрасны, и положилась на судьбу. . .

Вдруг она почувствовала, что проваливается в какую-то пропасть. Страшный удар на мгновение оглушил ее.

Очнувшись, Копуша увидела, что она упала в глубокий водоем, в который с бешеным ревом обрушивал свои вспененные воды горный водопад. Водоем окружали крутые скалы, а

крупные камни, покрывавшие его дно, торчали над клокотавшей водой. Упав на один из них, она бы погибла.

Копуша с трудом доплыла до берега и взобралась на один камень. Долго лежала она на нем, испуганная и продрогшая. Только сейчас ее неповоротливые мозги осмыслили то, как трудно будет выбраться отсюда. С тоской подумала она о Скороходе, и ей показалось, что она никогда уже больше не увидит его.

Вспомнила его умные советы, как он просил ее потерпеть до утра, как умолял ее не ходить одной по лесу, пока не рассветет...

Обливаясь слезами, она ушла в свой панцирь и решила дожидаться утра. Ночь показалась ей бесконечно длинной. Наконец начало светать, и она своими глазами увидела, что отсюда едва ли выберешься — берега были крутые и оголенные, а плыть вниз по течению, меж больших камней, по быстрине, чтобы выбраться из этого узкого страшого ущелья, было еще труднее.

МАЛЕНЬКИЕ ВОДОЛАЗЫ

Когда она лежала там, в ожидании увидеть светлый диск солнца, которое все еще не показывалось из-за скал, над ней выпорхнула маленькая черно-сизая птичка. Она пролетела над камнем, на котором лежала Копуша, и, не долго думая, ринулась прямо в падающие стеной струи водопада.

Копуша подумала, что эта птичка слепая. Она, наверное, не видела, что может удариться о широкие водяные струи, которые сомнут ее и, захлебнувшись, сбросят в водоворот. Но птичка врезалась в низвергающийся поток, рассекла прозрачную, как стекло, воду и исчезла в ней.

Копуша вскрикнула от испуга и продолжа-

ла смотреть туда, где скрылась птичка. Искла ее взглядом, но нигде не могла ее увидеть.

— Наверное, утонула, — подумала черепаха, и сердце ее сжалось. Но вот, когда она уже совсем отчаялась увидеть ее, та выпорхнула из каскада, словно выскочила из чего-то, что было за ним, из самой скалы.

— Эй! — крикнула Копуша, — разве ты не утонула?

Птичка услышала ее голос и села на соседний камень, выступавший из воды. У нее была белая шейка и плотное темно-синее оперение. Это была беспокойная и игривая птичка.

— Что вы сказали? — спросила она и несколько раз встряхнулась.

— Я подумала, что ты утонула, — промолвила черепаха, — и очень испугалась.

Птичка издала приятный звук, напоминающий веселое журчание воды вокруг них.

— За водопадом находится мое гнездо, — сказала она. — Я устроила его там, чтобы никто не нашел его. Там мои детеныши в полной безопасности.

— Как тебя зовут? — спросила Копуша.

— Неужели вы не знаете меня? — Я — жена водяного дрозда, которого все называют Замухрышкой. Он улетел вниз по течению потока и вот-вот должен воротиться. Но вы-то как сюда попали?

Копуша поведала пташке о своем несчастье.

— О, я очень хорошо знаю лисицу, — сказала жена Замухрышки. — Она побывала

здесь на днях. В зубах у нее была какая-то тряпка. Где она нашла ее — не знаю. Сначала я подумала, что лиса несет птичку. Но когда она приблизилась, я поняла, что это рукав от крестьянской рубахи.

Лиса вошла в воду, держа его в зубах, и стала медленно погружаться в нее. Когда вода достигла ей до живота, она села, и на поверхности осталась только верхняя часть ее тела. Затем она стала медленно опускать и ее, наконец, над водой виднелась одна ее морда с рукавом в зубах. Потом она вдруг разжала зубы, выпустила тряпку и вышла на берег. Встряхнувшись и что-то пробормотав, лиса убежала в лес.

Из любопытства, я пошла взглянуть на этот рукав. И что же оказалось? Он был усеян блохами. Вот хитрая! Придумала, как избавиться от блох, которые, чтобы не утонуть, все перескочили с нее на рукав.

— Она обошлась со мной очень жестоко, — пожаловалась Копуша. — Теперь я не знаю, как мне выбраться отсюда.

— Главное — найти вашего друга, — заметила жена водяного дрозда. — А что касается дороги, то я смогу вам помочь. Дождитесь только вот мужа.

Замухрышка не заставил ждать себя. Копуша увидела его издалека. Он нес в своем клюве большого черного жука.

— Поймал рогача, — сказала его жена и весело подпрыгнула на камне.

Замухрышка стрелой пролетел мимо них и проскочил сквозь каскад к своему гнезду, чтобы накормить птенцов. Через несколько минут дрозд вернулся к своей жене. Он был спокоен.

— Сюда идет кабан со своим семейством, — сказал он. — Весь поток замутили там, внизу. Несмотря на то, что солнце только начало пригревать и здесь еще довольно прохладно, они уже ищут, где бы поваляться в грязи. Я сел на спину старику, но он засопел и страшно разозлился. Сейчас они выкапывают своими длинными мордами улиток на берегу. . .

— У нас гостья, — прервала его жена и указала на Копушу.

— Доброе утро! — поклонился Замухрышка. — Простите, я не заметил вас. . . Что вы делаете здесь, в нашем сыром ущелье?

Черепаша рассказала ему о своем зловещем заключении.

— Вам надо спрятаться где-нибудь, чтобы не попасться на глаза диким свиньям, — сказал Замухрышка. — Они станут тыкать в вас своими рылами, а могут и растерзать вас.

— У нее есть товарищ, которого она потеряла ночью. Он остался где-то в лесу.

— Жаль, нет у меня там друзей, — промолвил Замухрышка. — Но мы поможем вам выйти отсюда. Подождите только, пусть дикие свиньи пройдут.

Вскоре показался кабан со своей семьей, и Копуша, вняв советам Замухрышки, спрята-

лась в углублении под камнем. Оттуда она видела, как дикие свиньи рылись на берегу, как громко чавкали и крошили зубами улиток и разные корни.

Кабан был очень велик и наводил страх своими желтыми, изогнутыми, как сабли, клыками. Его встопорщенная щетина была выма-

зана грязью. Маленькие глаза злобно блестели. По временам он останавливался и прислушивался. Его жена, большая коричнево-черная дикая свинья, вела шесть пестрых свинок, которые теснились вокруг нее, хватая наперебой все, что находила их мать.

Дикие свиньи дошли до водопада и возвратились назад.

Когда опасность миновала, черепаха вылезла из-под камня. Тотчас явился и Замухрышка с женой.

Втроем они двинулись вниз по течению. Копуше пришлось плыть, а обе птички летели над потоком и временами внезапно исчезали в нем. Тогда черепаха видела их идущими под водой, по дну потока так легко и свободно, словно они передвигались по поверхности земли. Там они находили себе пищу — разных червячков и водяных насекомых. Они выпархивали из воды, пролетали несколько метров и снова ныряли, как настоящие водолазы.

Наконец, когда поток вывел их из узкого ущелья, туда, где берега не были так обрывисты, Замухрышка показал черепахе дорогу, которая вела на ту поляну, где она повстречала лисицу. Он и его жена пожелали Копуше счастливого пути и расстались с ней.

Оставшись одна, черепаха долгое время прислушивалась, прежде чем решилась отправиться наверх. Она шла, останавливалась передохнуть, и снова продолжала взбираться. Солнце нагрело ее панцирь. Он показался

ей еще более тяжелым. От жары и усталости на нее нашла дремота. Копуша тяжело вздохнула, вспомнила о Скороходе и пригорюнилась. Поплакав, она расположилась в тени под кустом и заснула сладким сном.

У Б Е Л О К

Скороход проснулся чуть свет, выставил свою острую мордочку, пошмыгал носом и заморгал своими маленькими черными глазками. Он был голоден.

«Наверное, Копуша неплохо закусила этой ночью», — подумал он и поискал ее глазами. Не увидев ее поблизости, он позвал черепаху по имени. Но никто ему не откликнулся.

В лесу было еще темно. Меж деревьев подпрыгивал какой-то заяц, время от времени останавливаясь и прислушиваясь. Скороход хотел было окликнуть его и спросить, не видел ли он где-нибудь черепаху, однако заяц, испугавшись чего-то, убежал в глубь леса.

Скороход понял, что Копуша заблудилась. — Где мне ее искать теперь? — подумал еж с раздражением и тоской.

Он двинулся в глубь леса и вскоре вышел на ту самую опушку, где лисица повстречалась с черепахой. Открытая поляна испугала его. Опасаясь нападения какого-нибудь зверя, еж обошел ее и снова зашагал лесом. Здесь деревья

были выше. Среди них были и громадные дубы, могучие корни которых уходили, подобно гигантским щупальцам, в землю и буки с толстыми стволами и белесой корой.

Спустя несколько минут Скороход поймал мышонка, уснувшего в корнях дуба. Он съел его и пошел дальше. Немного погодя, ему пришло на ум, что Копуша не могла далеко уйти. Она была неуклюжа и ленива и, скорее всего, наевшись, заснула где-нибудь. Скороход решил воротиться.

Вдруг совсем рядом послышался какой-то слабый шум. Кто-то бежал сюда. Меж деревьев показалась красная белка с большим пушистым хвостом. Во рту она несла лесной орех. Дойдя до того места, где лежал еж, белка присела на корточки и принялась за орех. Она расколола его своими зубами так быстро и так искусно, что ядро вышло целым.

Хотя повадки белок были ему известны, Скороход решил все же молчать. Он опасался, что белка разнесет весть о его приходе по всему лесу и своими громкими криками привлечет внимание какого-нибудь врага. Но, к несчастью, белка, съев орех, наскочила прямо на него.

— Ой! — в испуге вскрикнула она и тотчас полезла на дерево, не переставая пронзительно кричать.

Скороход смотрел на нее в недоумении.

— Ты же знаешь, что я тебе не враг. Зачем кричишь? — спросил он.

— Уж очень ты безобразен. У, какой от-

врагительный! — воскликнула белка. — Пойду, скажу моим товарищам, чтобы тебя сейчас же прогнали. Это наш лес. Ты съешь у нас все лесные орехи, которые мы заготовили на зиму.

— Я не ем орехи, — успокоил ее еж.

— А по деревьям лазишь?

— Тоже нет, — ответил Скороход. — И вообще я не живу в лесу, а попал сюда случайно, сам того не желая.

— Я все-таки не верю тебе и должна сообщить нашим, — молвила белка и запрыгала с дерева на дерево.

Через несколько минут вокруг Скорохода уже собралось с десятков белок. Они сидели на ближайших деревьях и забрасывали его вопросами.

Пришлось рассказать о своих мытарствах с начала до конца: о том, как их унес орел и как пропала Копуша.

Белки были очень любопытны и очень недоверчивы. Наконец они поверили ему, и один старый самец, у которого на ушах торчали пучки волос, похожие на кисточки, слез с дерева и объявил Скороходу, что его семья хочет ему помочь, приютив его у себя меж корней дуба, в котором они жили.

— Это совсем близко, — сказал он. — Там я живу с моими внуками, правнуками и сыновьями. Зовут меня дядя Мохнач, а эта красная белка, которая первой увидела тебя, моя дочь Белка-Поспелка. Берегись ее, потому что она большая насмешница.

— Первым делом я должен отыскать свою приятельницу, — возразил еж.

— Ты останешься с нами и будешь нас охранять, — сказал дядя Мохнач. — Укрывшись меж корней дуба, внутри которого на-

ходится наше общее жилище, ты станешь оберегать нас от жуликоватых соседей, которые воруют наши запасы. А как увидишь кого-либо из других зверей, бей тревогу, чтобы мы знали, что надо спастись. В отплату за это мы будем кормить тебя вкусными ядрами орехов, яйцами и плодами. На наших

складах имеются целые кучи диких груш, яблок, орехов и желудей. А что касается твоей приятельницы, то предоставь это дело нам. Мы поможем тебе найти ее.

Скороход долго колебался, прежде чем принять предложение, но надежда на то, что белки помогут ему разыскать Копушу, заставила его согласиться.

Белки повели его к одному старому дубу, в стволе которого было видно много круглых отверстий. Это были входы в беличьи жилища.

— Здесь живут восемь семейств, — сказал дядя Мохнач. — Они частенько ссорятся, но ты не обращай внимания. . . Они очень добрые.

Скороход расположился меж корней дуба, вырыл себе там ямку и стал думать о том, как найти Копушу.

Но белки не давали ему покоя. То приходили повидаться и приносили какое-нибудь яблоко, то в шутку бросались веточками, которые отламывали с дерева. Дядя Мохнач журил озорников, но молодежь была очень непослушной.

Когда стемнело, старик пришел к Скороходу и предупредил его, чтобы он был настороже и глядел в оба.

— Как только завидишь, что к нам приближается какой-нибудь зверь, бей тревогу! Этой ночью может наведаться куница, может и филин, наш лютый враг, пройти тут поблизости. Его берегись и ты, потому что он убийца. Я же обязательно переговорю с моим братом, который живет с той стороны леса. Они большие друзья с козодоем, ночной ласточкой, которая всюду бывает и все знает. Так мы разыщем твою приятельницу.

НОЧНЫЕ РАЗБОЙНИКИ

К полуночи в лесу стали раздаваться голоса ночных птиц. Сначала мяукнул сыч. Днем он спал в дупле старой липы и, наверное, видел веселый сон, потому что стал громко хохотать. Потом отозвалась сплюшка своим тоскливым, исполненным вечной скорби голосом.

— Бу-у-у, бу-х! — выкрикивала она тихонько, невидимая и загадочная.

Сова с большими глазами и круглой головой, что-то бормотала, а неясно, жившая на краю леса, монотонно завывала.

— У-у, у-у! — кричала она, словно выла от боли и жаловалась кому-то.

Наконец, послышался могучий и гнетущий голос филина.

К этому времени макушки деревьев стали багровыми при свете только что выглянувшего месяца, а тени, отбрасываемые ими, — черными и тяжелыми.

Скороход, лежавший в своей ямке меж корней дуба, начал испытывать страх и беспокойство. На поле ему никогда не приходилось слышать такие зловещие голоса. Сов и сычей он не боялся. Он знал, что это небольшие птицы и что они не отважатся напасть на него. Он даже презирал их и ненавидел, потому что они мешали его охоте на мышей, так как сами питались ими. Все же их голоса заставляли сжиматься сердце, а свет, исходивший из их глаз, действовал на него так неприятно. Однако филина Скороход боялся не на шутку.

Вот почему, увидев его огромную тень, бесшумно скользившую по лесу, он испугался и от страха забыл предупредить белок. Но филин уже куда-то улетел.

Через некоторое время Скороход заметил в тени одного из ближайших к нему деревьев два синевато-зеленых огонька. Он догадался, что это глаза куницы. Ему приходилось видеть ее по ночам, когда она рыскала по полю, близ деревень. Он знал, что куница — опасный враг, с острыми зубами и гибким телом, и что бедным белкам грозит большая опасность. Но, судя по направлению, в котором двигались эти синеватые огоньки, у куницы не было намерения приблизиться к ним. Она продиралась сквозь кусты и, как видно, подстерегала другую добычу.

Следя за ней, Скороход увидел, как она прыгнула на одно из ближайших деревьев и с молниеносной быстротой полезла вверх. Сколько он ни всматривался, но так и не мог уследить, куда она скрылась. Подумал было дать тревожный сигнал, но, рассудив, что дерево далеко и что куница, быть может, минует их, решил подождать. Своим сигналом он мог привлечь к дубу внимание зверька, а на нем в это время резвилось несколько маленьких белок.

Он попробовал смотреть вверх, на макушку деревьев, но из-за своей короткой шеи никак не мог поднять головы. Тогда он стал прислушиваться в надежде уловить звук ее тихих прыжков, однако, с дерева не доносилось ни

малейшего шума! Скороход решил, что куница ушла и очень обрадовался.

Куница же сидела на дереве и, скрытая его ветвями, следила за дубом. Затем, не сходя на землю, она незаметно, с дерева на дерево, перебралась на дуб.

Раздался жалобный писк. На дереве поднялся сильный переполох. Несколько белок в испуге спрыгнули на землю и быстро скры-

лись в темной чаще. Скороход захрипел: что было силы — авось зверек испугается. Он не видел того, что произошло на дубу, и когда слышался крик дяди Мохнача, который боролся с куницей, он понял свою ошибку. Не послушался старика, и вот теперь по его вине стряслась такая беда!

Стыдясь своего поступка и жестоко раскаиваясь в нем, он приготовился куда-нибудь убежать, но в это время перед ним метнулась громадная и страшная тень филина. Два огненных глаза сверкнули неподалеку. Птица исчезла в верхних ветках дуба, откуда слышался писк другой белки. Какое-то тело грохнулось наземь к подножию дуба,

Скороход наскочил на него и увидел перед собой светящиеся, как фосфор, глаза куницы. Пораженный, он в испуге шарахнулся в сторону. Черной, неуловимой тенью метнулась куница и исчезла в лесу.

На мгновение воцарилась тишина, потом вдруг раздался вопль белки и легкий шум крыльев, который быстро растаял в глубине леса.

Скороход понял, что филин унес свою жертву. Подавленный, он покинул свой пост и бросился наугад в темноту, исполненный презрения к самому себе за свое малодушие и глупость.

— До каких пор, я буду таким наивным и доверчивым? — спрашивал он себя. — До каких пор все будут издеваться надо мной? Как

я теперь посмотрю в глаза добрым белкам, что скажу дяде Мохначу?.. Уж лучше удавиться. . .

Перед ним вырос старый дуб с зияющим в самом низу его большим дуплом. Он влетел внутрь. Раздался хриплый крик. Кто-то пнул его в морду.

Это был дядя Мохнач. Смертельно раненный куницей, старый самец укрылся в этом дупле.

С М Е Р Т Ь Д Я Д И М О Х Н А Ч А

Когда куница прыгнула на дерево, где, притихнув, сидело несколько белочек, дядя Мохнач был занят оборудованием тайного склада на зиму.

Опасаясь, что зима будет длинной и тяжелой, старик решил запасти побольше продуктов. В лесу в это лето уродилось много орехов, а желуди просто устлали землю, да и грецких орехов, которые росли недалеко отсюда, было достаточно.

Дядя Мохнач выбрал под склад укромное место. Оно находилось под пнем надломившегося от старости бука. Мохнач облюбовал его еще на той неделе. Тут было сухо — продукты не могли сгнить. Кстати, это было недалеко от дуба. Кроме того, надломленный ствол защищает склад от снега, так что из него в любое время и без особого труда можно будет доставить съестные припасы.

Полагая, что Скороход будет бдительным и сможет сберечь маленьких белок, дядя Мохнач задумал вырыть под пнем небольшую ямку. Крик белочки заставил его вздрогнуть. Он выбрался из-под пня и крупными прыжками устремился к дубу. Второпях он наскочил прямо на куницу и укусил ее своими острыми зубами. Но куница была сильнее и гораздо

проворнее. Оставив белочку, она повернулась к старику и нанесла ему глубокую рану в шею.

Дядя Мохнач свалился с дерева. Собрав последние силы, он дотащился до старого дуба и спрятался в его дупле.

Появление филина заставило куницу убежать, однако белочка, на которую она напала, стала жертвой грозной птицы, унесшей ее с собой.

Дядя Мохнач не знал, что произошло после его ранения. Разглядев Скорохода, он успокоился. Тело его было окровавлено и обессилено от потери крови. Старик понимал, что умирает, но в эту минуту думал не о себе, а о маленьких белках.

— Пойди скажи им, чтобы шли ко мне, — сказал он Скороходу. — Позови Белку-Поспелку и самых старших. Я хочу, чтобы они выслушали меня перед смертью.

Дрожа от горя и жалости, Скороход помчался к дубу, чтобы выполнить поручение дяди Мохнача.

Он застал белок в большой тревоге и печали. Те, кто помоложе, поднялись на самую верхушку дуба, а старые, стояли внизу, понутив головы и плотно прижавшись к стволу. В такой позе они походили на бугорки моха, заброшенного туда ветром.

Скороход ожидал, что они накинутся на него с упреками. Но белки не обратили на него никакого внимания, словно не замечали, хотя он и стоял перед ними, освещенный полной лу-

ной. Однако, как только он им сказал, что дядя Мохнач ранен и что он зовет их к себе, они мигом спустились с дерева и обступили его.

Белка-Поспелка и еще три белки, сыновья дяди Мохнача, помчались к дуплу, где лежал старик. Там они склонились над ним, чтобы выслушать его последний наказ. Скороход же встал смиренно у входа в дупло.

Дядя Мохнач попросил их перед смертью продолжить его работу в складе и заготовить на зиму как можно больше продуктов.

— Зима будет суровой и долгой, — сказал он, — это я узнал от пауков. Осенью они очень рано снимут свои паутины и укроются в трещинах деревьев. Насчет того же я говорил и с воронами, чьи предсказания всегда сбывались. Даже наш враг филин знает это, потому что часто тревожит лес своими криками.

Живите в ладу между собой и совместными усилиями оберегайте свою жизнь. А завтра, когда пробудятся ото сна сойки, сообщите им о том, что произошло ночью. Они облетят с этой вестью всех лесных птиц, и филин будет наказан. К мирным птичкам присоединятся дневные хищные птицы — соколы, ястребы и другие, ибо филин всем ненавистен. . .

У дяди Мохнача едва хватило сил закончить свой наказ. Он закрыл глаза, судорожно вытянулся и скончался.

Белки с жалобным пискom рассыпались по лесу. Скороход остался один. Никто даже не

взглянул на него, будто его и не было там. Опечаленный смертью старого дяди Мохнача, еж в раздумье побрел по лесу, куда глаза глядят. . .

ФИЛИН НАКАЗАН

Болтливые сойки быстро распространили среди пернатых весть о кончине дяди Мохнача.

Белка-Поспелка, как ей было наказано отцом, лишь только рассвело и сойки запорхали по лесу, сообщила им о том, что произошло ночью. Встретив одну старую сойку, которую все называли Доркой-Тараторкой, она подробно рассказала ей про смерть дяди Мохнача и про похищение маленькой белки.

У Дорки-Тараторки еле хватило терпения выслушать до конца Белку-Поспелку. Она захохлилась от возмущения и с писком полетела по лесу разносить новость.

Белка-Поспелка слышала, как она выкрикивала:

— Позор! Позор!

Через несколько минут о ночном происшествии знал весь лес.

Ворон Чернец и Сероголовый, предводитель стаи галок, которая обычно ночевала где-то в лесу и не раз подвергалась нападению филина, кликнули свои орды и подняли тревогу. А чер-

ные дрозды распространили весть среди всех самых мелких и мирных представителей царства пернатых. Они сообщили о случившемся синицам, пищухам, дятлам, да еще и королькам, самым маленьким пташкам в лесу.

Все искали филина. В одном перелеске галки держали совет со своими двоюродными братьями воронами. Сойки группами обшаривали каждый уголок леса. Разбираемые любопытством, взбудораженные синицы и пищухи обстоятельно осматривали каждое дерево, заглядывая в каждое дупло. Прежде чем начать долбить гнилые стволы, дятлы внимательно прислушивались, а ореховки, ближайšie родичи соек, оглашали лес своим пронзительным писком.

Наконец, Дорке-Тараторке удалось разыскать филина.

Наевшись досыта, он уснул не в своем дупле, как обычно, а в гуще ветвей старой липы в самой глубине леса.

Увидев его, Дорка-Тараторка пронзительно закричала и вся встопорщилась.

— Убийца! Убийца! Вот он! Вот он! — выкрикивала она и даже не побоялась сесть на ветку, прямо над его головой.

Филин лениво открыл свои большие желто-красные глаза, свирепо взглянул на нее и презрительно встряхнулся.

— Сюда! Он тут! Держите его! — продолжала кричать сойка. Ее крик подхватили все птицы. К месту, где был филин, быстро слетались дрозды и ореховки. Тревожно застрекотали.

тали сороки и стаями понеслись над лесом. Вот и Чернец прокричал свой боевой клич, а за ним черной тучей взметнулись стаи воронов и галок.

Ветви старой липы отяжелели под облепившими их сойками, сороками и воронами. В листве окружавших филина деревьев жались друг

к другу с замирающими сердцами синички, корошки и пеночки. Дятлы застучали своими крепкими клювами по сухим стволам так быстро и прерывисто, что казалось, будто они отбивали барабанную дробь.

Чернец устремился на филина с хриплым и сердитым карканьем. Ему помогали галки. Каждая птица спешила обрушить удар на встопорщившегося ночного разбойника.

А тот ничего не видел. Дневной свет, слишком яркий для его зрачков, ослеплял хищника. С полурасправленными крыльями и взъерошенными перьями, он зловеще покачивался на суку и издавал угрожающие звуки, шевеля своим загнутым клювом. Глаза его метали молнии, а могучие ноги, покрытые короткими мягкими перьями, отчего казалось, что они в толстых теплых чулках, вонзали свои когти в дерево. Дважды пытался он взлететь, но птицы не отпускали его. Они не переставали клевать его и вынуждали обороняться. Одна старая галка, смелая и коварная, хотела выклевать ему глаза. А одна из сорок садилась хищнику на спину и клевала его в голову.

— Гоните его к опушке леса! — командовал Чернец. — Не давайте ему углубиться в лес. Главное — выкурить его отсюда на свет!

Филин тщетно пытался уйти от них. Птицы гнали его от дерева к дереву, отрезая дорогу в лес и оставляя, как велел Чернец, только путь к опушке.

Несколько ястребов и сокол, привлеченные

страшным гвалтом, присоединились к преследующим птицам. Ночной убийца был ненавистен всем.

Когда он попытался сесть на один бук, ястребы сбросили его с дерева. Большая круглая голова филина уже была окровавлена. Удары птиц сыпались на него один за другим. Разодранный, растрепанный и жалкий, убийца лежал на земле, раскинув свои широкие крылья, и ждал своей последней минуты. . .

КАК ВОЛЧИЦА СЪЕЛА ФИЛИНА

Средь бела дня по лесу бежала волчица. Она была матерью пятерых голодных волчат, ждавших, чтоб их накормили. Но вот уже два дня, как ей не попадалось никакой крупной добычи. Несколько лягушек и одного больного зайчонка не хватило даже на то, чтобы утолить ее голод, и сосцы ее перестали давать молоко. А голодные детеныши тянулись к ним, запихивали их себе в рот своими лапками и кусали острыми зубками.

Обезумевшая от боли и голода, волчица рыскала в поисках пищи, высунув от жары свой красный язык. Из ее полуоткрытой пасти текла слюна, а перед глазами плыли желтые и зеленые круги.

Продираясь сквозь чащу, волчица случайно

вспугнула зайца и погналась за ним. Но, ослабевшая от голода, она не могла быстро бегать. Заяц ушел от нее, исчезнув в лесу.

От бега волчице захотелось пить, и она спустилась к реке.

Там она наткнулась на Копушу.

Черепаша спала на припеке среди камней и редких кустов.

С тех пор, как она осталась одна, Копуша не предприняла почти ничего, чтобы найти Скорохода. Она отчаялась, упала духом. По целым дням спала, либо обливалась слезами при воспоминании о своем друге. Здесь она находила богатую пищу. После сытной еды ее тут же тянуло ко сну, и она становилась такой ленивой, что даже собственный панцирь казался ей непосильной ношей.

Увидев ее, волчица облизала губы своим большим языком, похожим на красный платок, щелкнула зубами и охватила ее своей пастью. Но Копуша была слишком велика. Волчица не смогла проглотить ее. Тогда она сдавила черепаху зубами и попробовала раскусить ее панцирь. Тот затрещал под нажимом волчьих челюстей, но не поддался. Разозлившись, волчица еще несколько раз пробовала расколоть его. Она старалась разгрызть панцирь по всем правилам искусства, которым она владела и пользовалась, когда ей приходилось дробить крупные кости, но после ряда неудачных попыток решила отнести свою добычу в логовище, где ее ждали пятеро волчат.

Оставив черепаху, она сходила к потоку, налакалась воды, затем, возвратившись, снова взяла ее в зубы и отправилась назад к своему логову.

Копуша задыхалась в темной пасти зверя. Волчица бежала во весь опор по лесу. Вдруг она остановилась и наострила уши. В лесу стрекотали сороки, кричали сойки. Там что-то происходило.

Волчица услышала крики Чернеца и карканье его орды.

— Либо добычу делят, либо под этим таится какая-то опасность, — подумала волчица.

Она внимательно прислушалась. Яростный грай свидетельствовал о том, что орда накинулась на кого-то.

Волчица вспомнила, как однажды она услышала точно такой же вороний грай и как, подойдя к месту, откуда он шел, она увидела раненого зайца. На него напали вороны, которым уже удалось выклевать ему глаза. Волчица набросилась на зайца и на глазах у них начала его есть, не обращая внимания на их ужасные проклятия и угрозы. . .

Это воспоминание вселило в голодную волчицу уверенность, что она и теперь набредет на какого-нибудь раненого зайца. Выпустив Копушу, она помчалась напрямик к опушке,

откуда доносились все более громкие крики птиц.

Прибежав, волчица увидела под деревом, которое облепили вороны, что-то большое и коричневое.

Это был сваленный с дерева и полумертвый филин.

Волчица не любила его кислое и тощее мясо, тем не менее она тотчас удушила и съела филина.

Сперва вороны одобрили ее поступок, но затем стали осыпать волчицу проклятиями. Видно, они вспомнили про зайца, которого до сих пор не могли ей простить. Но волчица не обращала на них внимания.

Съев филина, она побрела в глубь леса, пригнув к земле морду с приставшими к ней клочками пуха растерзанной птицы.

Сначала вороны летели над ней, провожая ее своим карканьем, но потом поручили это дело сойкам. Однако и те рассудили, что нет никакого толка кричать ей вслед.

ВСТРЕЧА С КОЗОДОЕМ

Смерть филина взбудоражила всех обитателей леса. Скорород, слыхавший, как галдели птицы, догадался, в чем дело. Его одолевало желание увидеть, как будет наказан преступник, и он хотел было отправиться к месту, от-

куда несся птичий гомон. Но благоразумие одержало верх. Напуганный таким сборищем птиц, он решил, что лучше уйти поглубже в лес и там спрятаться. Еж опасался, что, когда птицы покончат с филином, его может заметить какая-нибудь сойка, и тогда он станет всеобщим посмешищем.

Сначала он двинулся по тропинке, усеянной хворостом и опавшими листьями, но вскоре, напуганный запахом, который она издавала, сошел с нее. Этот запах остался от волчицы, только что проследовавшей по ней.

Пройдя немного, Скороход наткнулся на сук, лежавший у подножия граба и остановился перед ним в страхе и изумлении.

На нем, словно нарост на коре, стояло нечто, похожее на живое существо. Но трудно было с уверенностью сказать, что это такое — кора, птица или зверек.

Оно было величиной с голубя, но казалось крупнее, так как, благодаря своему серо-пепельному цвету, сливалось с деревом и как бы расплзалось по его серой коре.

Всмотревшись попристальнее в странное существо, Скороход сообразил, что это была какая-то птица. Он различил ее большой черный глаз и длинные усы. Ее оперение пестрело всеми возможными оттенками серого цвета, как это обычно бывает у ночных птиц. Еж разглядел ее клюв. Он был небольшой и прямой, следовательно, птица была не опасна и не имела ничего общего с хищниками. Пока он ее рассматривал,

она не шелохнулась и поистине походила на какой-то нарост на коре ствола.

— Эй! — тихонько окликнул ее Скороход. — Что ты такое? Живое существо или сук?

— Му-р-р-р, му-р-р-р, — отозвалась птица. — А, заметил меня? Я — Козодой, ночная ласточка. Ты никогда не слыхал обо мне?

— Козодой!. . Слыхал, от дяди Мохнача слыхал. Он даже хотел попросить тебя через своего брата. . . Ах, значит, это ты Козодой! — воскликнул Скороход, чрезвычайно обрадовавшись.

— Дядя Мохнач умер, да? — промолвила птица, не пошевелившись. — А филин наказан птицами? . .

— Но откуда ты знаешь? — изумился еж.

— Я знаю все, что делается в лесу, — ответил Козодой. — Днем я лежу тихо и неподвижно либо на земле, либо на каком-нибудь дереве, а ночью обхожу весь лес. Пока я лежу, я все слышу и поневоле подслушиваю разговор птиц, которые не замечают меня.

— Как я рад, что встретил тебя, — сказал Скороход и подошел к птице. — У меня к тебе большая просьба. . . Я разыскиваю свою приятельницу. . . Не видел ли ты ее где-нибудь?

Козодой рассмеялся своим хриплым смехом.

— Да ведь я не знаю, кто твоя приятельница, — ответил он.

— Черепаха, Копуша. . . Значит, ты не встречал ее?

— Черепаху я видел, — спокойно проговорил Козодой. — Но что она твоя приятельница — этого я не знал.

— Где она теперь? — воскликнул обрадовавшийся Скороход.

— Сегодня утром, рано-рано, когда в лесу еще царил мрак, я оставил ее у потока. Вот уже два-три дня, как она валяется там. Неуклюжей и ленивей ее мне еще никого не приходилось встречать. Похоже на то, что она намерена остаться там на веки вечные.

— Отведи меня к ней, прошу тебя! — горячо воскликнул Скороход.

— Днем я не летаю, я — ночная птица и не люблю сильного света. Подожди сумерек.

В это время возвращались вороны, направлявшиеся на ночлег. Их крики оглашали лес. Вблизи показались две сойки. Они перелетали от дерева к дереву и говорили о волчице.

— Если бы я знала убежище волчицы, то непременно бы открыла его охотникам, — сказала одна из них.

— Каким образом? — спросила другая.

— Очень просто. Остановлюсь рядом и начну кричать во все горло, чем и привлеку внимание охотников.

— Не всегда охотники понимают наш язык, — промолвила первая. — На твоём месте я бы предпочла молчать. Волчица тащит в свое жилище всяких животных и дичь. Походишь, походишь кругом, глядишь — и тебе перепадет

какой-нибудь лакомый кусочек. Волчица щедрая, когда сыта.

— Одна ворона сказала мне, что она зарывает в землю все, что не может съесть. Вот бы найти это!

Сойки удалились, перепархивая с ветки на ветку. Немного погодя, на тропинке показалась и лисица, волочившая за собой свой пушистый хвост. Гвалт в лесу разбудил ее раньше времени. Она шла узнать, в чем дело.

— Здорово опоздала, — проговорил Козодой, когда хвост лисицы исчез между стволами деревьев. — А не то досталось бы кому-нибудь из галок.

— Почему? — спросил Скороход.

— Потому что они ненавидят ее больше, чем волчицу. А она, зная это, нередко притворяется мертвой и ложится на землю, вытянувшись, как труп. Галки начинают торжествовать. Садятся неподалеку от нее, потом, осмелев и уже веря, что она на самом деле умерла, подходят к самой ее голове, покуда она не схватит какую-либо из них. Видел, как она обнюхивала тропинку? Только что здесь прошла волчица. Но она шла в ту сторону, а лисица в обратную. Они не долюбливают друг друга. Волчица задаст лисе перцу, только попадись она ей.

— Похоже, что все враждуют между собой, — промолвил Скороход.

— Нет, не все, — отвечал Козодой. — Вот, хотя бы, маленькие и мирные пташки. Они

живут в ладу между собой. Синицы, пищухи, щеглы, дятлы и другие птички ходят по лесу шумными и веселыми ватагами. Помогают друг другу находить пищу и спастись от общих врагов. Или, например, сойки, которые бродят повсюду, только завидят какого-нибудь зверя, тут же начнут кричать ему вслед. Услышав их голоса, к ним присоединяются сороки и галки, и все сообще гонят зверя. Так они предупреждают мирных птиц об опасности. А вот

хищные птицы ходят всегда одни, — заключил Козодой.

— А отчего все так ненавидят филина? — спросил Скороход.

— Это давняя вражда. Он ловит свои жертвы, когда они спят на деревьях и в темноте совсем беспомощны. Больше всего достается сорокам. . . В зимние ночи они хорошо видны меж оголенных ветвей, и он ловит их с особым удовольствием.

Козодой умолк и, расправив свои длинные крылья, приготовился взлететь. Солнце уже зашло, и на землю спускался мрак.

Скорохода охватило беспокойство.

— Ты летаешь, я же медленно хожу по земле, — сказал он птице. — Как мне поспеть за тобой?

— Не беспокойся, — отвечал Козодой. — Ты иди себе лесом, и я приведу тебя к твоей приятельнице.

Хотя и не поняв, как поведет его птица, Скороход двинулся в указанном ею направлении.

Козодой взмахнул крыльями и полетел.

Он был превосходным летчиком и мог продвигаться между стволами деревьев, как летучая мышь. В один миг он поднялся над лесом и растаял в вышине.

Скороход шел медленным и неслышным шагом. Он встретил зайца, который испугался его и убежал в глубь чащи. Затем еж наткнулся на мышиную нору. В лесу становилось все тем-

нее и темнее. Ветер зашумел в листве. Сквозь нее иногда пробивались лучи только что показавшейся луны. Тени, отбрасываемые деревьями, зашевелились, и лес словно ожил. Какая-то сова, захотевшая узнать, что там шумит под нею, спустилась с дерева, на котором сидела, и Скороход увидел ее большие глаза, светившиеся, как фонари.

Сова что-то пробормотала и улетела. Скороход двинулся дальше.

Вдруг над лесом раздался громкий и протяжный вопль. На фоне озаренного луною неба метнулась черная тень какой-то птицы. Затем показалась другая, которая вцепилась в нее. Крик стал еще пронзительнее и резче.

Скороход испугался и юркнул под куст.

— Мур-мур, — услышался рядом успокаивающий и немного насмешливый голос Козодоя. — Что, испугался? Не бойся, это ночные коршуны дерутся. Ну, вылезай оттуда.

— Но почему они дерутся? — спросил Скороход.

— Какой ты любопытный. Ладно, объясню тебе и это, — ответил Козодой и слетел на землю.

— У Красного коршуна, как и у всякой другой хищной птицы, есть свои владения, куда он вылетает охотиться. В них он не пускает никого из своих соперников. Появись кто-нибудь там — он выгонит его прочь. Если же он окажется слабее противника, тогда тот сам изгонит его оттуда. В этот вечер он подрался со

своим братом. Оба молоды и еще не успели поделить меж собой охотничьи участки. Теперь один из двух коршунов будет убит, и тогда победитель спокойно разорвет и съест труп своего брата.

— Как это ужасно! — промолвил в раздумье еж. — Я прошел через болото — и там то же самое. До этого я жил на поле. Там, как будто, лучше.

— Как знать? — отвечал Козодой. — Прескверные попадаютя существа. Нужно бороться и трудиться.

Он ударил крылом и прибавил:

— Иди все в том же направлении, а я буду лететь рядом. Чтобы не сбиться с дороги, смотри, чтобы луна всегда была против тебя.

Он взлетел так легко и бесшумно, что еж и не заметил, как птица отделилась от земли. Потом он увидел, как она устремилась ввысь, нацеливаясь прямо на месяц, блестящий, как золотое зеркало, словно хотела сгореть в его холодном огне.

Скороход зашагал смелее. По временам до него доносилось мурлыканье Козодоя, который ловил ночных бабочек и других насекомых, как это обычно делают ласточки.

Наконец, он услышал клокотание водопада и всплески воды. Сердце его взволнованно билось при мысли о скорой встрече с приятельницей, о судьбе которой он ничего не знал уже столько времени.

Вскоре еж вышел на опушку. Дальше шли низкие и колючие заросли. Почва сразу стала твердой и каменистой.

— Неплохое местечко выбрала себе Копуша, — подумал Скороход. — Она всегда предпочитала такие каменистые места, где солнце сильно нагревает землю и днем стоит невыносимая жара.

Он услышал голос Козодоя.

— Ищи в кустах, — советовала птица.

Вдвоем они обшарили весь склон, но черепахи нигде не было.

— Да ведь она же здесь валялась. И куда только могла запропасться? — недоумевал Козодой.

Напрасно еж звал свою подругу, напрасно искал под каждым кустом.

— Нет ее здесь, я все осмотрел, — сказал Козодой.

Наконец, огорченный Скороход улегся под кустик, а птица села рядом с ним.

— Не отчаивайся, мы еще найдем ее, — утешала она его. — Этой ночью я увижусь со многими ночными птицами, чьи глаза зорче моих. Расспрошу сыча, филина, белых сов, даже летучих мышей. Они-то уж наверняка ее видели где-нибудь. А ты воротись обратно в лес и дожидайся меня на том самом месте, где повстречал меня сегодня. Завтра чуть свет я буду там.

И, взмахнув крыльями, птица растаяла в ночном мраке.

ИСКУСНЫЙ ХИРУРГ

Оставшись один, Скороход повернул к лесу. Он проголодался и решил поискать себе что-нибудь на ужин. Среди этих камней и кустарников нетрудно было поймать ящерицу либо кузнечика.

Проходя мимо одного муравейника, он прислушался.

Где-то поблизости раздавался мышинный писк. Еж притаился за кустом и стал ждать.

Послышался шорох и из соседнего куста выглянула острая мордочка мыши. Она шмыгнула носом, поморгала своими маленькими, как две точки, глазками и скрылась. Скороход понял, что мышь заметила его. Он прыгнул к кусту в надежде поймать ее, но никого уже там не было.

Еж услышал за своей спиной тонкий и насмешливый голос:

— Плох прыжок, плох прыжок.

Скороход вздрогнул и невольно подскочил.

Обернувшись, он увидел пару поблескивавших зеленых глаз. Подумав, что это куница, еж тут же выпустил свои иглы, но, всмотревшись внимательнее, понял, что испугался напрасно.

Животное на самом деле очень походило на куницу. У него было такое же узкое, длинное тело и отличная гладкая шерсть, которая казалась сейчас совсем черной и блестела при свете луны, однако его хвост не был таким

пушистым и длинным, как у куницы. Кроме того, оно было меньше ее и менее подвижно. Скороход понял, что перед ним стоит Хорек.

Он видел не раз, как это животное слоняется ночью по полю, но наблюдал за ним издали и поэтому мало знал о его повадках.

— Добрый вечер, — проговорил Хорек и повторил: — плох прыжок, плох. Будь я на твоём месте, я бы не упустил мышонка. Но ничего. Это не бог вещь какая добыча.

Скороход смотрел на животное недоверчивым взглядом и не знал, что ответить.

Хорек приблизился к нему и отер лапой свою острую морду.

— Знаешь что, — обратился он к ежу, словно был с ним очень давно знаком. — Тут нам ничего не поймать. Давай сойдем вниз, к воде. Там есть лягушки. За ними легко охотиться.

Скороход думал было отказаться от предложения Хорька, но, услышав о том, что там можно будет поймать какую-нибудь лягушку, почувствовал нестерпимый голод и рассудил, что успеет и поохотиться, и вернуться вовремя в лес, чтобы быть в условленный час на месте, назначенном Козодоем.

Он согласился. Они зашагали вдвоем вдоль потока.

— Здесь вода глубокая и прозрачная, а дно — каменистое, — заметил Хорек. — Вот почему тут нет лягушек. Они любят тину. На зиму они зарываются в нее и засыпают. Но пониже берег не так крут. Там есть небольшие

лиманы и заливные луга. По ночам я налавливаю там столько. . . Даже по десять за одну ночь.

— Но зачем тебе столько лягушек? — спросил Скороход.

— Я запасаю их на зиму, — отвечал Хорек.

«Каким неприятным запахом несет от него, — подумал про себя еж, принюхиваясь к своему неожиданному попутчику. — Похоже, что он очень нечистоплотен».

Они подошли к лугу — узкому и длинному, покрытому влажной травой, на которой блестяли капельки росы.

— Ты начнешь отсюда, а я — с другой стороны, — распорядился Хорек и бесшумно удалился.

— Должно быть, он ушел вниз по реке, — подумал Скороход и вспомнил о наказе Козодоя ждать его завтра чуть свет в лесу. Бросив искать Хорька, он зашагал к опушке и вскоре очутился в каменистой ложбинке, выдолбленной частыми ливнями. Еж шел по ее сухому дну. Вода вырыла здесь берега, которые круто вышались над ложбинкой. Из их глинистой почвы выглядывали бородатые корни и большие камни. Порой на дне попадались сучья, отломленные ветром и занесенные сюда водой.

Не пройдя и полдороги, Скороход уловил запах своего нового знакомого и остановился, чтобы установить, откуда он доносится. Осмотрев берега, он различил в одной из почти от-

весных стен небольшую нору. Приблизившись к ее входу, он прислушался и втянул носом воздух:

Изнутри послышался шум. Кто-то рыл землю. Было слышно, как она отваливалась и осыпалась. Еж уже не сомневался, что внутри находился Хорек.

Движимый любопытством, Скореход тихонько пролез в нору.

Хорек не заметил его. Он рыл землю перед-

ними ногами. В глубине норы попрыгивало несколько лягушек, испуганно таращивших глаза. Они сталкивались в темноте и падали, отскакивая друг от друга.

— Эй, что ты тут делаешь? — крикнул Скороход.

Хорек обернулся и окинул его сердитым взглядом.

— Кто тебе сказал, что я здесь? — спросил он.

— Никто, я случайно зашел сюда, — ответил Скороход.

Хорек перестал смотреть на него так сердито, однако в его маленьких глазках можно было прочесть недоверие.

— Вот что, — промолвил он. — Здесь я храню продукты, которые заготавливаю на зиму. Если ты откроешь кому-либо мое логовище, то я перегрызу тебе горло.

— Больно меня интересует твое логовище, — сердито ответил еж, задетый столь грубой угрозой Хорька. — Я вовсе не собираюсь кому-либо сообщать о нем. Просто услышал, как ты роешь землю и решил зайти попрощаться.

— Да, верно, я и не сообразил, что ты спишь зимой, — небрежно извинился Хорек. — Впрочем, если хочешь видеть, как я оперирую моих лягушек, то подожди немного.

Хорек опять принялся за рытье. Мягкая зернистая порода, которую он вырывал из стены норки, быстро сыпалась к его ногам. Когда

выросла целая куча, Хорек взял одну лягушку, стиснул ее передними ногами и вонзил ей в спину свои тонкие, как иглы, зубы. Затем он отложил ее в сторону и взял другую. Укушенная лягушка сидела тихо и неподвижно, словно окаменев, и как бы ждала, чтобы Хорек проделал с ней еще что-то. Ее подруга, тоже укушенная, сидела в такой же позе.

Подвергнув всех лягушек своей таинственной операции, Хорек стал закапывать их в кучу вырытой земли.

Скороходу было совершенно непонятно, что проделывал тут его новый знакомец. Однако его изумило, что после укуса Хорька лягушки сидели совсем неподвижно, словно парализованные.

— Почему они становятся такими тихими и неподвижными после того, как ты укусишь их? — спросил он, когда Хорек окончил свою работу.

— Потому что я обрываю у них оба нерва, которые идут к их ногам, — ответил хирург. — Они находятся над самой поясницей у лягушки. Своими тонкими зубами я провожу эту операцию четко и безошибочно. Всегда точно и всегда удачно. Благодаря этому у меня на складе всегда есть живые лягушки, — заключил Хорек и хитро улыбнулся.

— Кто же обучил тебя этому?

— Моя мать. А вернее — никто, подобно тому, как и тебя никто не учил рыть себе на зиму логовище.

Они вышли из убежища Хорька и расстались. Скороход отправился по ложбинке к лесу, а Хорек пошел подстергать стаю горных перепелок, ночевавшую тут поблизости.

— Если мне не удастся поймать ни одной перепелочки, то я дойду до самой околицы деревни. Там есть куры. Они спят на ветвях сгорбившейся от старости сливы. Уж одну-то я унесу оттуда, — сказал Хорек, расставаясь со Скороходом.

Еж и не заметил, как темнота поглотила его нового знакомого.

СКОРОХОД НАХОДИТ КОПУШУ

Под утро Скороход едва поспел к месту встречи с Козодоем.

Он заблудился в густом лесу и долго плутал по нему. Луна, которая еще совсем недавно светила, сейчас была заслонена тяжелыми грозовыми тучами. Они заволокли все небо, и, хотя дождя еще не было, где-то далеко, за горизонтом, вспыхивали зарницы и оттуда слышались глухие раскаты грома.

Ему повстречалось несколько зайцев, которые спешили перекусить и укрыться, прежде чем польет дождь.

Остановившись перед деревом, где вчера они встретились с Козодоем, еж увидел сидевшую

на одной из его веток маленькую сову. Неподвижная, она время от времени мигала своими желтыми глазами и щурилась.

— Наконец-то, сколько же тебя можно ждать? — пропищала она и встряхнулась. — Козодой послал меня сообщить тебе о том, что твоя приятельница нашлась и нуждается в твоей помощи.

— Скорее, скорее веди меня к ней! — радостно воскликнул Скороход.

— Да-а, пора, — протянула в задумчивости сова. — Скоро рассветет и пойдет дождь, а я еще не воротилась к себе в дупло. Беги за мной! — и, не спросив его, может ли он поспеть за ней, сова поднялась бесшумно, как тень.

Скороход бежал следом за ней, насколько ему позволяли короткие ноги, спотыкался, падал, то терял из виду сову, то снова находил ее желтые глаза, светившие с какой-либо ветви, куда она садилась, чтобы подождать его.

— Быстрее, быстрее! — подгоняла его птица. — Не видишь, что уже рассветает?

Наконец, он различил в темноте сову, севшую на дерево у самой опушки. Оттуда она подзывала его головой.

Скороход помчался к дереву и в тот же миг увидел Копушу.

Черепаша лежала на спине и делала отчаянные попытки подняться на ноги. Она вытянула из-под щита свои ноги и болтала ими в воздухе.

— Это ты? — простионала она, узнав ежа. — Ох, и натерпелась же я от этой проклятой волчицы. Да чего ты глазами хлопаешь, помоги мне подняться! Или хочешь, чтобы я еще так два дня пролежала?

Перевернув черепаху, Скороход подтолкнул ее своей мордой и от радости запрыгал на четвереньках, как медвежонок.

— Я уже не верил, что увижу тебя живой и здоровой, дорогая моя, — радовался он. — Где только я не искал тебя, в какие только пе-

ределки не попадал, покуда нашел тебя. Но ничего, важно, что мы опять вместе.

— Ох, сколько я вынесла! Такое тебе и не снилось! — вздыхала Копуша. — Проклятая волчица забрала меня в свою пасть и чуть было не раскусила мой панцирь. А когда она выпустила меня, я упала на спину и так пролежала весь день и всю ночь. Звала, звала на помощь, но ты как в воду канул. Нехорошо так, Скороход, нехорошо.

— Ты скажи спасибо сове. Это она меня привела сюда, — промолвил еж.

— Мур-мур, — слышался с дерева насмешливый голос Козодоя.

Он сидел на толстой ветви в кроне дерева, где мог спокойно переждать дождь.

— Не забывай своих друзей, — сказала птица и весело замурлыкала. — Сова помогла тебе, но без меня ты бы никогда не нашел свою приятельницу.

— Прости меня, — ответил Скороход. — Она мне сказала, что это ты послал ее. Я благодарен и ей, но прежде всего — тебе.

В лесу потянул ветерок. Зашелестела листва. Закачались ветви деревьев.

— Поспешите, надвигается гроза, — предупредил их Козодой.

Его слова отнесло порывом налетевшего ветра.

Скороход и Копуша отправились искать укрытия от дождя, крупные и тяжелые капли

которого начали все сильнее и сильнее хлестать по листьям.

Гроза помешала им вдоволь наглядеться друг на друга, но оба были счастливы тем, что они, наконец, вместе.

Миновав то место, где был растерзан филин, и обогнув опушку, они снова вошли в лес. Тропинка, на которую вступили друзья, уходила вверх по какому-то склону, густо заросшему кустарником. Подгоняемые вспышками молний и раскатами грома, они помчались по ней, не думая о том, куда она их приведет, и вскоре уперлись в насыпь, отлично выравненную и утрамбованную, внутрь которой вело зиявшее в ее верхней части темное, но довольно широкое отверстие.

Внезапно дождь полил как из ведра. Не имея времени раздумывать, друзья залезли в нору.

Н Е Л Ю Д И М

Внутри было чисто и тепло. На мягком земляном полу нельзя было обнаружить ни волоска, ни листика, ни паутинки. Не было заметно даже следов обитавшего здесь животного. Видно тут жил чистюля и заботливый хозяин.

Снаружи бушевал проливной дождь. Ветер срывал с деревьев холодные капли, а в норе было уютно и тепло.

— А что если здесь живет лисица? — испуганно проговорила Копуша.

— Я знаю ее запах. Кроме того, она нечистоплотная и перьяшловая, — ответил Скороход. — Жилище лисицы не может быть таким.

Он попробовал угадать запах, который шел из глубины норы. Но он был слабым и незнакомым ему.

— Давай помолчим, — сказал он. — Переждем здесь грозу и двинемся дальше. Не

забывай, что мы потеряли из-за твоего непослушания и легкомыслия целых два дня.

Но Копуше не хотелось молчать. Она стала рассказывать ему про свои похождения. Скорохода увлек ее рассказ.

Вдруг оба они услышали шум размеренных и тяжелых шагов. Из мрака выступило что-то белое, блеснула пара злобных маленьких глаз и раздался глухой сиплый голос.

Животное, показавшееся из глубины норы, было крупное и сильное. Это было что-то среднее между медвежонком и поросенком. Ступало оно тяжело, медленно передвигая свои короткие ноги с длинными черными когтями. У него было массивное туловище и жесткая, как щетина, длинная серая шерсть. Маленькую головку разделяли надвое шедшие по обеим щекам белые полосы. Зверек шел на задних лапах, ступая на всю ступню, как медведь.

Скороход выпустил свои иглы, а Копуша тотчас ушла под свой панцирь.

— Вон! — прохрипело животное. — Вон, негодяи!

И, прежде чем они успели что-либо возразить или извиниться, животное грубо вытолкнуло их наружу. Они скатились по склону насыпи к ее основанию.

Обиженные и промокшие, друзья перебежали на противоположную сторону к липе и укрылись меж ее корней. Растерянные, они оба молчали.

Сверху, с ветвей дерева, донесся хохот. Кто-то смеялся над ними.

— Ха-ха-ха! — раскатисто звучал смех.

— Эй, кто там смеется наверху? — рассердясь, крикнул Скороход.

— Ку-ку! Ку-ку! Ловко вышвырнул вас старый отшельник. Ха-ха-ха!

Копуша и Скороход узнали Кукушку.

Они вспомнили, как она, просыпаясь рано утром, куковала над полем и хохотала над своими снами. Вспомнили, что она любила подтрунивать над ними.

— Скажи-ка, — обратился к ней еж, — кто этот грубиян? Как его зовут?

— Вот тебе и на! Не знаешь Барсука? Да ведь это такой чудак, каких мало. Старый холостяк. Ни с кем не водится. Угрюмое существо. Я все про него знаю. Вот уже десять лет, как я скитаюсь по этим лесам, и на этой липе я провела, можно сказать, свои самые лучшие годы. Да, я помню его семью, помню, если хотите, и его род. Жирные и грубые существа, которые никогда не смеются и из которых слова выдавить нельзя — себялюбцы, скрытные, холодные. Им только бы лежать спокойно, наслаждаясь своим одиночеством. Да-а, знаю я ихнего брата!

— Почему он нас выгнал? — спросила Копуша. — Мы были у самого выхода и не могли насорить в его жилище. . .

— Как ты бестолкова, моя милая! — оборвала ее Кукушка. — Неужели не можешь по-

нять того, что я тебе говорю. Такой у него характер. Он не выносит никого, кроме самого себя. Жизнь его идет своим чередом, тихо и гладко. Выходит он из норы в одни и те же часы, в одни и те же часы возвращается. Весь день сидит дома. Если уж очень жарко, то вылезет из норы и уйдет вон в те заросли, что за насыпью. Там есть одна колода. Вот он и лежит под ней в холодке, покуда не стемнеет. Потом встанет, прислушается и примется зализывать шерсть, прихорашиваться — будто этой щетине нужен уход, — надуется, примет строгий, важный вид и зашагает по тропинке. А шагает-то медленно, степенно, словно боится себе ноги вывихнуть. Возвращается под утро сытый, посапывает тихонько от удовлетворения и тут же заваливается спать. И не приведи кому бог переступить порог его жилища. . .

Некогда тут жила его семья. Но всех его родичей какая-то хворь уморила. Только он один и остался. Зарыл их где-то в лабиринте своей норы и заделал многие из ее входов. Она так велика и так многочисленны ее коридоры, разветвляющиеся глубоко под землей, что, если кто пойдет по ним, то наверняка заблудится. Входы, выходы, отдушины, через которые поступает внутрь воздух, логовища для зимней спячки и всякое еще. . . Мне про это лисица рассказывала. Она любит потешаться над ним, чем приводит его в ярость. За лето и осень Барсук отъестся как свинья и станет все реже выходить из логова. Зимой я улетаю в

Египет — эх, хорошо там, тепло — настоящий курорт! — а он ложится и засыпает мертвым сном. . .

— И мы засыпаем, — сказал Скороход, но Кукушка не обратила на него никакого внимания. Ей хотелось поболтать, и она не слушала никого, кроме себя.

— Спит он так долго и так крепко, что просыпается лишь весной. Ну, а кума Лиса, которая летом спит где попало, входит в нору Барсука и хозяйничает там, как у себя дома. «Я, говорит, притащу, бывало, с собой какую-нибудь курочку или зайца, либо еще какую добычу, усядусь там и наемся досыта. Полежу себе спокойно, потом похожу по лабиринту, полюбуюсь, как он спит. Зароется, говорит, в землю, как свинья. Подумаешь, что умер и оконченел. Ну, а как начнут таять снега и проснется Барсук — тогда берегись, не подходи к нему близко. Он тогда злой, голодный, отощавший — не попадайся ему на глаза. А как осмотрит свое жилище, так становится сам не свой, словно бес вселяется в него». Лисе же, которую я уважаю за ее веселый нрав и за то, что она любит, как и я, побродить, наплевать на такие угрюмые существа, как Барсук. . . За зиму она натащит туда разного хлама и теперь посматривает откуда-нибудь и тешится его яростью. А он выносит мусор, прибирает нору, пыхтит, ха-ха-ха! . .

Кукушка захохотала, отряхнула с перьев капли воды и стала продолжать:

— Иногда, рассказывает Лиса, он просыпается и зимой, если потеплеет. Тогда, говорит она, надо держать ухо востро, если он накроет меня у себя, — не сдобровать мне, сестрица. Зубы у него, как шила, когти на ногах такие, как у медведя. Да к тому же, куда его ни укусишь, ему все нипочем. Шкура у него жесткая, прочная, только пуля ее пробивает. Поганый зверь! Но как вылезет из своей норы — сразу беспомощным станет: бегать из-за жира не может, да и ноги у него короткие. . . как у тебя, Скороход, — не утерпела Кукушка. — Между вами, кажись, есть сходство, — прибавила она и прыснула. — Твоя шерсть даже еще безобразнее, чем его щетина, и ноги у вас у обоих короткие, да и характер один. . .

И Кукушка, верная своему веселому и беспечному нраву, начала подтрунивать над нашими путешественниками, как она это делала на поле.

Скороход и Копуша молчали. Они знали, что ее не переговоришь, и решили лучше не связываться с нею. Она слонялась каждое лето по лесу, перелетая с дерева на дерево, сносила свои яйца в чужих гнездах, чтобы их высиживали маленькие певчие пташки, жила разгульно и беспечно. А осенью отправлялась в теплые страны. Ей было известно все, кроме стыда, и никто не смог бы заставить ее замолчать.

Когда перестал дождь, Скороход и Копуша выбрались из своего убежища и двинулись через лесистые горы, вершины которых были подернуты синей дымкой.

В Ы С О К О В Г О Р А Х

Они шли весь день. Лес становился все выше и все мрачнее. Стали попадаться ели и сосны, осины и березы. В темно-зеленых кронах сосен порхали красивые птички с кривыми клювами, скрещенными на концах, как у попугаев. Они вылущивали семена сосновых шишек. Скороход спросил их насчет дороги, но они были очень заняты и не ответили ему. Тут друзья снова встретили много белок, которые сказали им, что эти птички называются клестами и что, когда они умирают, их мясо не гниет, потому что они питаются семенами, содержащими много сосновой смолы.

— Дальше вы повстречаетесь с глухарями, — сказали белки. — Они заносчивы и не обратят на вас никакого внимания.

И, действительно, вступив в самую густую часть соснового леса Копуша и Скороход увидели крупных черных с серым крапом птиц. Они молча восседали на сучьях высоких сосен и елей, поросших местами черным лишайником. Склонив головы, птицы равнодушно смотрели на друзей, двигавшихся внизу под ними. Это были глухари. Некоторые из них, как петухи, расхаживали между деревьев и клевали какие-то зерна.

У опушки леса наши приятели встретили семейство ланей — отца, мать и двух детенышей.

Отец то и дело прислушивался к чему-то, двигая во все стороны заостренными ушами.

Его гордо поднятую голову украшали красиво изогнутые рога, возвышавшиеся над ней, как корона. Это насторожившееся грациозное животное готово было при малейшей опасности сорваться с места вместе со всем своим семейством.

Лани лежали под деревом в небольших углублениях, которые они вырыли своими копытами. Скороход и Копуша вспугнули их.

Отец-лань рассердился, что такие незначительные животные нарушили покой его семьи. Он обнюхал черепаху, приблизив к ней свою черную морду, злобно фыркнул и угрожающе замотал головой, а еж чуть было не пострадал от копыт маленьких ланей.

— Куда это вы, мелюзга? — спросил их Отец.

Скороход стал рассказывать об их приключениях, но одна только мать оказала ему внимание. Отец же стоял в стороне и то облизывал свое колено, то терся рогами о ствол сосны. Один из детенышей, у которого на лбу виднелись две шишечки, подражал ему. Это был самец, очень гордившийся, должно быть, своими будущими рогами.

Просто странно, как вы уцелели, — проговорила с состраданием Лань. У нее были большие черные глаза, очень красивые и очень добрые. — А не встретились ли вам Дикая Кошка? Вчера она напала на одного из моих детей. Хорошо, что отец его оказался поблизости. Он так сильно лягнул ее задними ногами, что она кубарем покатались и злобно зашипела. А потом издали стала нам грозиться. . .

— Вот как ее лягнул, — пояснил малыш и, прежде чем мать сообразила, что он намеревается сделать, тот брыкнул Копушу своими ножками.

— Неужели ты такой невоспитанный? — воскликнула Лань, и на глазах у нее навернулись слезы от стыда за него.

Она никак не предполагала, что ее дитя способно на такую грубость.

— Постой! Иди сюда, я накажу тебя и заставлю попросить прощения! — крикнула Лань малышу, но тот уже скакал вдали между деревьями.

— Ты должен его наказать! — обратилась Лань к Отцу.

— Проказник у нас этот мальчуган, — спокойно ответил тот, в несколько прыжков настиг озорника и подвел к матери, которая заставила его извиниться перед Копушей.

Когда неприятное впечатление загладилось, Лань обратилась к ежу:

— Идите все время по направлению к самой низкой точке горного хребта. Так легче и быстрее перевалите через горы. С той стороны она круче и оголеннее. Оттуда не трудно будет

спуститься к вашему полю. Но берегитесь Дикой кошки. Если же повстречаете наших родителей, оленей, то передайте им от нас привет.

— Как мы узнаем их? — спросил Скороход.

— О, они такие внушительные и солидные, что еще издавлека бросятся вам в глаза, — ответила Лань. — Они гораздо крупнее нас. У самцов на головах большие и крепкие рога, которыми они иногда дерутся. А самки, как и я, без рогов.

— Не стоит говорить об оленях, — заметил Отец. — Они очень заносчивы и не хотят знаться с нами.

Скороход и Копуша попрощались с ланями и двинулись дальше. Чем больше они поднимались по горному склону, тем выше и реже становился лес. Среди вековых деревьев оба чувствовали себя совсем маленькими, жалкими и беспомощными. Но все же на пути их встречались то белка, которая запускала в них шишками, то сойка, подолгу кричавшая им вслед.

Скороход заметил сидевшего на буке дикого голубя с белой шейкой и белой пестриной по крыльям. Он ворковал сильным и густым голосом. Еж узнал его. Не раз у себя на поле он наблюдал, как эта птица прыгает по стерне.

Их внимание привлекла другая птица, походившая на большого дятла, она была черная как смоль, с большим кроваво-красным пятном на темени. Птица пронзительно и громко пи-

щала и шумно хлопала крыльями. Немного погодя, Скорохода и Копушу окружила веселая птичья стая, состоявшая из синиц — маленьких, как лесные орешки, но с длинными хвостами, нескольких пищух и корольков. Их предводителем был один пестрый дятел. Птицы неотступно следовали за ним. Он долбил подгнившие стволы деревьев и извлекал из них своим длин-

ным языком разных червячков и личинки. Синицы и другие пташки доедали то, чего он не успевал проглотить.

— Большая птица с красным теменем — моя родственница, — гордо заявил Пестрый дятел, у которого Скороход спросил про птицу, чей пронзительный щебет оглашал лес и замирал в горных ущельях. У нас не маленький род. Помимо меня и Черного дятла есть еще в лесу один коротыш. Это зяблик. Его мы прозвали Сипуном, потому что у него очень сиплый голос.

Стая птиц поднялась с веселым гомоном и полетела к лощине вслед за Пестрым дятлом, и двое друзей опять остались одни. Начинало смеркаться. Сгущался туман. Над вершинами гор парили орлы, которые то исчезали в облаках, то снова показывались между ними. Лес поредел. Деревья стали ниже. Крупные гранитные валуны синели на просеках среди елей и пихт. Не легко было продираться сквозь колючие заросли. Зато наши приятели напали на чернику. Они ели вкусные и сочные ягоды с большим наслаждением.

Наевшись, Копуша захотела спать. Она забралась в какую-то воронку меж камней и втянулась под свой щит. Скороход лег рядом. Ночь была холодная и сырая. В горах шумел вековой лес, было слышно, как клокочут потоки и как ветер обегает вершины деревьев.

Перед сном Скороход припомнил все сегодняшние приключения и подумал, что впереди

их ждет еще немало всяких перипетий. Холодная и темная громада горы пугала его. Полный тяжелых предчувствий, он свернулся клубочком и уснул.

О Л Е Н И

В полночь еж почувствовал, что кто-то тормозит его, он открыл глаза и увидел Копушу. Черепеха с испугом смотрела на него.

— В чем дело? — спросил еж.

— Слушай, слушай, — тихо ответила она — Нам угрожает большая опасность.

— Ничего не слышу, — сказал Скороход.

— Подожди, услышишь.

Внезапно с другого конца просеки послышался глухой, но мощный рев. Он трижды отозвался эхом в окрестных ущельях и затем умолк где-то в горах. Затем слышались шаги животного, которое испускало его. Друзья не видели зверя, но слышали его злобное и глубокое дыхание.

Но вот такой же рев раздавался с другой стороны. Он шел откуда-то издалека и походил на глубокий и громкий стон. Животное, стоявшее на просеке, тотчас отозвалось на этот зов. Оба рева раздавались все чаще и чаще, чередуясь между собой, и все яснее слышалось, как сопит животное и как бьет копытом землю. Рев, до-

носившийся издалека, становился все громче и громче. Наконец, он послышался совсем рядом.

Начинало светать. В сумраке выступили неясные очертания невысокого леса. Оба зверя заревели еще яростней. Вдруг раздался громкий скрежет. Рев умолк и сменился тяжелым сопением и стукотней.

Скороход и Копуша выглянули из зарослей. Сквозь синеватую дымку легкого предутрен-

него тумана они увидели двух сражавшихся коричнево-серых животных. У обоих на голове были громадные разветвленные рога. Они устремлялись друг на друга так стремительно и так свирепо, что рога их, сталкиваясь, трещали, и, казалось, что они вот-вот сломаются и разлетятся вдребезги. Жи-

вотные то бросались навстречу друг другу, то внезапно отскакивали и, сплетя снова свои рога так, что уже нельзя было разобрать, какие кому принадлежат, начинали напирать ими изо всей силы. Они опускались на колени и, высунув от напряжения языки, взрыхляли землю копытами задних ног.

Скороход и Копуша догадались, что это олени, о которых им говорила Лань. Они бились на просеке, на которой стояли и следили за их поединком несколько оленьих самок.

Каждый из оленей стремился поддеть своими рогами противника в бок. Но, когда один из них делал стремительный выпад, другой ловко отбивал его удар. Тогда оба начинали громко сопеть и напирать рогами, словно каждый хотел поднять противника на свои рога.

Вдруг один из них испустил протяжный,

как от боли, рев. Не выдержав натиска, он упал на колени и уперся головой в передние ноги своего противника. Опять раздался рев. Скороход и Копуша увидели, как раненый зверь встал на дыбы и затем рухнул, пронзенный рогами другого оленя.

Победитель торжествуяще проревел над лежащим у его ног окровавленным противником. И Скороход и Копуша видели, как он удалился вместе с самками.

Наступила тишина.

Успокоившись и убедившись, что на просеке нет никого, кроме сраженного оленя, они вышли из зарослей и приблизились к месту поединка.

Животное было еще живым. Оно тяжело дышало. На губах его выступила кровавая пена. Бока вздрагивали. Большие глаза оленя смотрели с тоской. Как ни хотелось нашим друзьям помочь умирающему оленю, они ничего не могли сделать для него, уж очень маленькими и слабыми были они по сравнению с ним. Опасаясь, что шум схватки может привлечь сюда какого-нибудь зверя, Скороход и Копуша решили продолжить свой путь.

Пройдя по высокогорным лугам, покрытым желтоватой травой, которая была уже тронута первым инеем, они вскоре очутились среди больших глыб гранита. Вокруг не росло ничего, кроме бурьяна и низких кустарников. Воздух стал холоднее и реже, а дорога — более тяжелой. Копуша выбивалась из сил, волоча свой

щит меж валунов, под которыми шумели подземные воды.

Вдруг Скороход остановился и стал пристально вглядываться вперед. По крутому каменистому склону лежавшей перед ним вершины двигалось что-то серое. Оно напоминало козу и шло прямо на них. Морда его была белесая, а на голове виднелись небольшие рога, загнутые крючком. Оно было не меньше лани, но не так красиво и стройно. Около него подпрыгивали две козочки.

— Должно быть, какая-нибудь коза, отбившаяся от своего стада, — сказал Скороход своей подруге.

Животное приблизилось, и они заметили, что его выпуклые, прозрачные глаза внимательно оглядывают все вокруг.

Заметив наших друзей, оно подошло к ним и первым делом обнюхало Копушу.

— Как ты отбилась от своего стада? Ты не боишься пастуха? — спросил Скороход, полагавший, что это самая обыкновенная коза.

— Не понимаю, о чем ты говоришь.

— Разве ты не коза, отбившаяся от своего стада и решившая погулять на воле?

— Я — Дикая коза, а это — мои дети, — ответило животное, мотнув головой в сторону двух козлят, которые стояли ножками врозь и с испугом смотрели на ежа.

— Неужели ты живешь на этом пустыре? — удивился Скороход. — Тут и пощипать-то нечего — одни валуны!

— О, здесь встречаются самые вкусные травы, — сказала Дикая коза. — Вода здесь прозрачная и ледяная, воздух чистый и кругом так просторно, спокойно и тихо. Только вот облака порой опускаются очень низко и заслоняют собой солнце. Тут я вольна, как ветер. Хожу по тропам над самыми пропастями, в которых день и ночь стоит тонкий и синий туман, поднимаюсь на самые высокие вершины и оттуда смотрю, как восходит и заходит солнце. Мои глаза видят далеко, а моему свободному сердцу неведом страх перед бездной. У меня никогда не кружится голова, даже и тогда, когда я иду по краю самого крутого и высокого утеса. Но кто же ты? Никогда еще я не встречала таких колючих, как ты, животных. Ты походишь на махорчатый корень, который вырвали из земли.

— Я — еж Скороход и жил на поле, но оттуда меня и мою подругу унес орел, и теперь мы вынуждены пробираться через эти места, чтобы вернуться обратно, — и он рассказал Дикой козе об их приключениях.

Дикая коза слушала внимательно. Время от времени она утвердительно кивала головой. Когда Скороход окончил свой рассказ, она сказала:

— Орел — мой самый большой враг. Он нападает на моих детей, уносит их у меня на глазах. А довольно часто он нападает и на меня, особенно, когда увидит, как я хожу по краю какой-нибудь пропасти. Тогда он пытается столк-

нуть меня в бездну ударами своих мощных крыльев.

— А ты разве одна? У тебя нет друзей?

— Неужели ты их не видел? — удивилась Дикая коза.

— Нет, — признался еж.

— Взгляни вон на те утесы. Только гляди внимательнее.

Скороход посмотрел туда, куда указывала ему Дикая коза, и различил нескольких коз, лежавших на площадке у края пропасти. Их было не больше десяти. Одна из них, крупная, с большими, чем у других, рогами, стояла.

— Это наш вожак, козел, — промолвила Дикая коза. — Он заботится о безопасности стада. Оберегает нас от орлов, от охотников и от волков. Они больше всего преследуют нас зимой, когда сильные морозы и глубокий, непроходимый снег принуждают нас спускаться к подошве горы. Волки тогда ходят стаями и нападают на все, что им подвернется. О, как страшно они воют! Глубокий снег не дает нам быстро бежать. Покрывающая его тонкая ледяная кора не выдерживает нас и мы проваливаемся. А волки не проваливаются, потому что у них нет копыт, которые бы пробивали ледяную кору.

Вдруг раздался какой-то резкий звук, похожий на свист. Козы, лежавшие на площадке, вскочили на ноги.

Дикая коза вздрогнула и, тревожно подняв голову, стала вглядываться в каменистый

склон, по которому медленно сходило какое-то большое животное.

— Сюда идет медведь, — спокойно сказала она. — Наш вожак заметил его и предупредил нас свистом. Но он не нападает на нас. Должно быть, унюхал какую-нибудь падаль. . .

Скороход и Копуша испугались.

— Он добродушен и неуклюж, — успокоила их Дикия коза. — Не бойтесь, даже если он пройдет здесь. А я пойду к своему стаду.

Она медленно отошла со своими козлятами, которые семенили возле нее и испуганно жались к ее бокам. Скороход и Копуша остались на том же месте. Им было страшно, и они не смели пошевелиться, чтобы не привлечь к себе внимание большого зверя, который шел сюда.

Медведь прошел рядом. Он услышал рев оленей и теперь спешил к месту схватки, где надеялся хорошо пообедать. Его огромная голова серебрилась от старости, а грузное тело покачивалось на сильных ногах, которые неслышно ступали по камням. Зверь заметил друзей и, что-то пробормотав, ударил черепуху своей лапой. Копуша покатила по камням. Скороход стоял ни жив ни мертв и ждал своей очереди. Медведь обнюхал его, подтолкнул легонько ногой и укололся об его иглы. Он заревел, оплевал его и отошел, не переставая бормотать.

Как только медведь спустился к полянам и его мохнатая шуба затерялась среди кустов,

Скороход отправился разыскивать Копушу. Он нашел ее лежавшей почти без памяти в какой-то трещине, откуда она выбралась с большим трудом.

К ним тотчас подошли дикие козы.

— Не стоит оставаться здесь больше ни минуты, — посоветовал им козел. — Скоро опять хлынет дождь, спустится туман, и вы заблудитесь и умрете с голоду. В горах опасно. Мы покажем вам кратчайший путь к ее подножию. Ваше поле видно отсюда. Идите за нами. . .

Козел повел стадо к полянам. Маленькие козлята бежали вприпрыжку за своими матерями, старые козы внимательно оглядывали каждый куст.

Ловко ступая, они продвигались почти бесшумно. Очень редко случалось, чтобы из-под копыта животного покатился камень. Скороход и Копуша все время отставали от них. Однако дикие козы часто останавливались пожевать сочную высокую траву, росшую на площадках меж скал. Дойдя до первой сосновой рощи, где было много поваленных и изломанных бурей деревьев, они прилегли отдохнуть под ними.

Скороход и Копуша продолжали путь одни. Лес не пугал их так сильно, как голые вершины горы. Тут было теплее и не так опасно, потому что деревья укрывали их от глаз врагов и оберегали от разных бед.

Чем ниже они опускались, тем чаще встречали старых знакомых — белок, зайцев и раз-

ных птичек. Сосны и ели постепенно исчезали, уступая место густому лиственному лесу.

Скороход и Копуша быстро и без особых усилий спускались по крутому склону. Иногда между стволами деревьев виднелось ровное и широкое поле, на котором им жилось так счастливо.

При виде его силы их удваивались, и они начинали бежать вниз по склону. Им казалось, что они вот-вот окажутся у подножия горы. Однако на пути их опять вставала какая-нибудь лощина, которую они с трудом проходили, и снова зрение обманывало их и им чудилось, что спуск уже кончается.

Ночь застала их у подошвы горы, где они были вынуждены заночевать.

НА РОДНОМ ПОЛЕ

Впервые за столько времени они переночевали спокойно. Никто не потревожил их сна, если не считать стаи диких голубей, сидевших на ветвях высокого бука, под которым они спали.

Скороход и Копуша слышали тихие разговоры птиц.

Голуби жаловались друг другу, что на жнивье не найдешь хлебных зерен; сжатое поле затоптано скотом; листья дикой груши

начали желтеть, а несколько ручейков, из которых они любили пить воду, пересохли.

Голуби собирались покинуть эти места и отлететь куда-то очень далеко, где еще не были убраны подсолнечные и кукурузные поля.

Рано утром, когда Скороход и Копуша еще спали, голуби поднялись с шумом и улетели в сторону поля.

Друзья направились дальше. Вскоре они уже шли по первым пашням, лежавшим у подножия горы. При виде желтого жнивья они так обрадовались, что заплясали от радости. Их поле виднелось невдалеке, согретое солнцем, теплое и просторное. Торчали одинокие дикie груши, высились вязы и прямые телеграфные столбы, выстроившиеся вдоль дорог, а еще дальше виднелись красные кровли деревушки. Межа, на которой они оба дрались с Красноротой, казалась желтоватой полоской.

Воспрянувшие духом, повеселевшие, Копуша и Скороход хотели, не дожидаясь утра, подойти к маленькой ложбинке, по краям которой сейчас виднелась желтая стерня. Они продолжали идти по полю, минуя стада и пастухов.

Им удалось добраться до пожелтевшей межи, прежде чем зашло солнце. Трава не была уже такой густой и высокой. Она была помята скотом, но все-таки могла еще укрыть их от глаз хищных птиц.

Им захотелось увидеть перепелов, встретить

зайца. Но на меже было пусто. Лишь к вечеру они повстречали трех перепелок, рассказавших им, что зайца убили охотники. Он продолжал прятаться на меже до тех пор, пока его не открыли собаки и не показали своим хозяевам.

Перепела, которых тоже преследовали охотники, слышали выстрелы и видели, как несчастный заяц покатился по стерне.

Теперь они уже не были так надменны, как раньше. Появление Скорохода и Копуши поразило их.

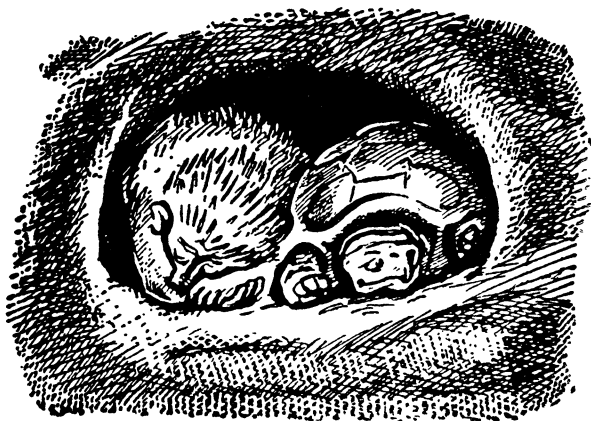
— Как это вам удалось спастись от когтей орла? — с любопытством спрашивали они.

Наши друзья рассказали им часть своих приключений.

Наутро, когда они оба снова вернулись на межу, к ним пришли перепела и очень учтиво попросили их продолжить рассказ об их удивительных приключениях. Даже сороки и сойки, прослышав о возвращении двух страдальцев, прилетели на межу послушать ежа и черепаху.

Слава о них, как о путешественниках, быстро разнослась по всему полю. Их приходили послушать черные дрозды, щеглы и другие птицы. Скороход и Копуша рассказывали им о том, каких необыкновенных птиц и животных им привелось увидеть.

Через две недели с севера подул холодный ветер. Он принес с собой первый осенний дождь. Распаханное поле стало коричневым.

Деревья быстро роняли свою листву. Мелкие певчие пташки отлетали на юг.

Скороход и Копуша с каждым днем теряли свою подвижность и становились сонливыми. Холод заставлял их прятаться в траве.

Однажды они почувствовали, что скоро выпадет снег. Тогда каждый вырыл себе в меже норку, залез в нее и уснул крепким и сладким сном.

А когда выпал снег и все поле побелело, никто бы уже не сказал, что где-то там, под толщей сугробов, в тепле и уюте земляного жилища, спят наши друзья — спят крепким и непробудным сном.

Они проснутся едва лишь весной, когда растают снега и яркое теплое солнце согреет продрогшую за зиму землю.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Копуша и Скороход	3
Красноротая	5
Помощь муравьев	9
Неблагодарные соседи	13
Путешествие по воздуху	17
Незнакомая тетя	21
Остроносик	30
Кто прятался в тростнике	34
Новые и неприятные знакомства	40
Скверное племя	43
Цапли	50
Новые приключения	56
Как пропала Копуша	64
Маленькие водолазы	67
У белок	73
Ночные разбойники	78
Смерть дяди Мохнача	83
Филин наказан	87

Как волчица съела филина	91
Встреча с Козодоем	94
Искусный хирург	104
Скороход находит Копушу	110
Нелюдим	114
Высоко в горах	121
Олени	127
На родном поле	136

Редактор Е. Зимина
Художник Александр Поплилов
Худ. редактор Тома Станкулов
Техн. редактор Димитр Захариев
Корректоры М. Качаунова
Л. Христова

Сдано в набор 15. I. 1959 г. Формат бумаги 71×100/32.
Печ. л. 9. Тираж 16000 экз.

Издательство литературы на иностранных языках. Зак. 4

Государственный полиграфический комбинат
им. Димитра Благоева — София, б. Ленина, 47. Зак. 181

повести „По лесам, по болотам“, одном из его ранних произведений, рассказывается об интересных приключениях загадочных приятелей ежа Скорохода и черепахи Копуши, о переделках, в которые попадают эти любопытные друзья, унесенные орлом с их родного поля. Под формой занимательного повествования автор знакомит читателя с различными представителями животного мира с „манерами“ и повадками всевозможных зверей и птиц, расширяя круг представлений любознательных детей.

1-50

Литературное приложение
к журналу „БОЛГАРИЯ“